

И

ВЕСТНИК

СТИНЫ

Современный вид Голгофы
Лук. 23, 33

2-3

1977

Духовно-назидательный журнал Союза церквей евангельских христиан-баптистов

ИСТИННОЕ ХРИСТИАНСТВО — это не система символических обрядов, как бы искренни они ни были; не организация чудотворения; не система этики, т. е. не совокупность нравственных правил жизни, хотя нравственное учение Христа превосходит все, что когда-либо известно было людям в этой области; не система философии, хотя учение Христа превышает все известные в мире философские системы.

Истинное Христианство есть жизнь со Христом, для Христа и во Христе, — жизнь Христова.

Это есть жизнь по преимуществу духовная, чистая, святая, светлая, радостная, плодотворная, ангело- и богоподобная — преображенная жизнь, свободная, трудовая, мирная, согласная и единая.

Духовно-
назидательный
журнал
Союза
церквей
евангельских
христиан-
баптистов

■
Издается
с 1963 года

■
Выходит
ежеквартально

2-3 (58-59) . 1977

СОДЕРЖАНИЕ

Наша цель — чистота и единство 2

ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНЫЙ РАЗДЕЛ

Нежность	4
Черта христианина	6
Путь Христа — наш путь	7
«Будете иметь скорбь...»	14
Радость веры христианина	15
«И отрет... слезу»	21
Распятие и воскресение	22
Иуда Искарот	30
Когда темница превращается в дворец	33
Зависть	37

ПИСЬМА, ВОСПОМИНАНИЯ

Как мы жили и трудились	39
Рожден в горниле страданий	42

МОЛИТЕСЬ О НИХ 44

СТРАНИЧКА УЗНИКА

О пережитом.....	46
------------------	----

ХРИСТИАНСКАЯ СЕМЬЯ

Девора — мать в Израиле	53
Бог взрастил семена	54

СТИХИ

Общник я	55
Сыну	56
Возвращение	56
Богу поклоняйся (на укр. яз.)	56

Наша цель — чистота и единство

(Из «Отчета» Оргкомитета ЕХБ за 1962 г.)

Возлюбленные Господом братья и сестры!

«Благодать и мир вам да умножится в познании Бога и Христа Иисуса, Господа нашего» (2 Петр. 1, 2).

Христос искупил нас Своей драгоценной Кровью, дабы мы были святы и непорочны пред Ним в любви. Он создал Церковь Свою и вручил ей истину, которую она должна сохранять и утверждать, идя по следам Его (1 Тим. 3, 15; Откр. 3, 8)...

Христова Церковь будет на земле до Его славного пришествия. Жизнь верующих и их благословения во весь период существования церкви зависели и впредь будут зависеть только от того, как они относятся ко Христу.

Что касается поместных церквей, то, благословенная и счастливая со Христом, церковь становится самой несчастной, когда перестает соблюдать Его заповеди. (Иоан. 15, 10—11; Откр. 2, 17—20)...

То, что переживает наша церковь в настоящее время, является ярким свидетельством того, к чему приводит уклонение от заповедей Божьих. Многолетние скорби и испытания, которые обрушились на Церковь Христову в нашей стране, вырвали из ее груди благословенный вопль к своему Небесному Отцу, в котором она просит Его вступить в ее тяжбу.

Вселюбящий и Всемилостивый Господь ответил нам, в чем уже никто не сомневается, и указывает через Сло-

во Свое, что вся церковь повинна в том, что равнодушно смотрела на то, как десятилетиями тщательно подбирался штат старших служителей-отступников, как они, в свою очередь, имея опыт, тщательно и безошибочно убирали из церкви и изолировали церковь от влияния на нее самых преданных Господу, самых любимых церковью служителей Христовых, чем разобщали церковь со Христом и достигали ее разложения. Так постепенно, сделавшись полновластными хозяевами, они стали безбоязненно господствовать над наследием Божиим...

Все эти, разлагающие церковь, действия служителей-отступников должны были встретиться со стороны церкви самое решительное осуждение, самую решительную непримиримость. Многие же оправдываются тем, что не одни служители Союза повинны в этом, ибо они говорят, что этого требуют внешние и что иначе закроют молитвенный дом. А думали ли вы о том, как смотрит на это Христос? Угодны ли Ему такие рассуждения? Это, братья, грубейшая ошибка, это уловка, с помощью которой отвлекли нас от обязательного исполнения заповедей Христа, от осуждения самого опасного греха в церкви, от осуждения главных виновников всех неустойчив и переживаний церкви, и сосредоточили наш взор на внешних, тогда как в вопросах внутрицерковного устройства ни внешние к нам, ни мы к ним не имеем никакого отношения. Ап. Павел говорит: «...что мне судить и внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог» (1 Кор. 5, 12—13). Итак, очиститесь самим и извергните развращенного из среды своей — наш святой долг, а суд внешних должно предоставить Богу Всемогущему. Он знает, когда и как это сделать.

Господь видит нашу скорбь, готов благословить Свою возлюбленную Церковь, но пока грех в церкви, Он дает единственное повеление: «Омойтесь, очиститесь... Тогда придите, и рассудим» (Ис. 1, 16—18).

Вот почему главной нашей целью и целью всех, получивших по милости Божьей такое служение, стало то, чтобы силой Божьей, угождая не человекам,

а Богу через Иисуса Христа, с участием всех святых, не преклонивших колен перед Ваалом, достигать чистоты церкви Христовой и единства со всеми святыми по учению Иисуса Христа (1 Фес. 4, 7; Иоан. 17, 21—22). Это, возлюбленные Господом,— главная цель церкви ЕХБ на сегодняшний день!

Начиная этот труд, мы поставили перед собой вопрос: каким путем нужно идти к достижению этой цели? По учению Христа, мудрость свыше в том, чтобы достигать святой цели чистыми путями. Поэтому и решено было идти таким путем, чтобы:

во-первых, он был чистым и угодным Богу (Ос. 14, 10);

во-вторых, открытым и законным пред государством (Дан. 6, 22);

в-третьих, чтобы этим путем могла пойти вся церковь, ибо мы стремимся к чистоте и единству всех детей Божьих (Еф. 4, 3—6)

и в-четвертых, насколько возможно с нашей стороны, путем самым безболезненным и мирным (Рим. 12, 18).

Таким путем, отвечающим всем вышеизложенным требованиям, должен был быть съезд, для подготовки которого и была избрана из служителей церкви — Инициативная группа (Д. Ап. 15, 6).

...Что же произошло после этого? Дорогие братья и сестры, прошел благословенный Господом год и теперь можно лучше все оценить и воздать славу Тому, Кто любит миловать, любит спасать, Кто Сам является нашим Пастырем и никому нас не доверяет даже тогда, когда наказывает за все наше благодушие ко греху в церкви. «Признай только вину твою...» — говорит Господь (Иер. 3, 13).

Слава и благодарение Господу, что все, что бодрствуя ожидают пришествия Господа нашего Иисуса Христа, все, кому церковь родная, своя, кому дорого дело Царствия Божьего,— со святой ревностью взялись за этот труд. Вы помните, дорогие друзья, когда тысячи верующих, алчущих и жаждущих восстановления правды, понесли во все концы страны братские послания. Эти предвестники благословения Церкви Христовой совершили невиданное,

славное дело, подобно благословенному насыщению пяти тысяч.

Эту работу начал Господь, поэтому в ней участвовали все истинные дети Божьи...

Мы знаем, что немало зарегистрированных общин ЕХБ живут по «Положению» и «Инструктивному письму» или просто держат их «под сукном». Свидетельствуем вам, братья, что не только внедрять и жить по этим документам, но и положить их под сукно — дело преступное. Раскритиковать эти безбожные документы и на этом остановиться, также дело невеликое. Но освободить от этого ярма церковь, снова дать ей чистое Евангелие, жить как учит Христос, поклоняться в Духе и истине Единому Богу, достигать чистоты и единства, хотя бы и ценой скорбей и страданий,— вот в чем подвиг веры и победы!

Поэтому нашей целью, как и прежде, остается чистота и единство. Съезд является для нас одним из средств к достижению этой цели по учению нашего Господа (Д. Ап. 15: 1—2, 6; Притч. 8, 14; 20, 18). Но главным нашим Советником и Руководителем в деле Божьем является Слово Божье и Дух Святой как на съезде, так и без съезда. Поэтому, если в данный период времени угодно Господу провести церковь путем испытаний, значит, Бог предусмотрел о нас нечто лучшее.

«Многие очистятся, уберются и переплавлены будут в искушении; нечестивые же будут поступать нечестиво, и не уразумеет сего никто из нечестивых, а мудрые уразумеют» (Дан. 12, 10).

Умоляем вас, братья и сестры, будьте внимательны к действиям Господа, которые Он совершает в настоящее время в церкви Своей, ибо о нерадивых и невнимательных Слово Божье говорит: «За то, что они не внимательны к действиям Господа и к делу рук Его, Он разрушит их и не созиждет их» (Пс. 27, 5).

Поэтому будем ревностными участниками дела Божьего, не будем прекращать наших молитв (Пс. 88, 16).

Мужайтесь, братья, и бодрствуйте! Господь да пребудет со всеми вами!

НЕЖНОСТЬ

Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью. Рим. 12, 10

Более двадцати пяти лет я проповедую и, признаться откровенно, едва решился говорить и писать на эту тему. Волнуюсь, потому что это слово касается и меня не в меньшей степени, чем и любого из вас, дорогой читатель.

Довелось мне познакомиться с человеком, которого покорила и привела к Господу нежность матери, хотя сама она уже была на грани отчаяния. Молодой человек рассказывал: «Я был единственным сыном. В детстве ходил на собрания, а когда вырос, полюбил гулянье, стал выпивать, приходил домой за полночь. К уговорам матери я был безнадежно глух. Убитая горем, она обратилась за советом к приезжему проповеднику: "У меня уже нет сил терпеть его черствость. Я решила поступать с ним, как и он со мной: не буду готовить обед, стирать белье и ждать его по ночам". "Есть у меня совет,— ответил брат,— но не знаю, сможете ли вы ему последовать. Не говорите больше сыну ни о собраниях, ни о Боге, но к его приходу пусть у вас всегда будет горячий ужин, теплая вода и выглаженная одежда. Предложите все это ему с любовью. Когда он уйдет, не устаньте звать к Богу. При ваших усердных молитвах и чистом сердце это не будет потворством греху. Одержав победу в этой борьбе вам поможет Господь".

Шло время. Мать так и поступала, но я, разумеется, ничего об этом не знал. Я не слышал ни одного упрека, мне не к чему было придираться: все было готово вовремя и никто мне не надоедал приглашениями, мне не на что было отвечать грубостью. И я не мог спокойно, как ра-

ньше, бродить по улицам. А когда однажды, проснувшись, я услышал тихую молитву плачущей матери, сердце мое дрогнуло, я не в силах был больше удерживаться и опустился рядом с ней на колени... Доброта и нежность победили меня. Я плакал и молился Богу, научившему мою мать такой спасительной нежности. Не познав Господа, она никогда сама не смогла бы проявить столько терпения и любви ко мне».

Вспоминая этот случай, я хочу сказать вам, что тоже приветствую только ту нежность, которая несет с собой спасение души, а не ту, которая усыпила и погубила Самсона... Я пою осанну Богу нежности и буду бесконечно восхищаться и превозносить ласки Христовы, явленные и мне, недостойному грешнику. От одного этого слова «нежность» мою душу заливают необъяснимой теплотой и какой-то влажный комок подступает к горлу.

Трудно найти человека, которого бы не умиляло и не трогало до слез это божественное чувство.

В нежности нуждаются дети и старики, цари и последние нищие. С какой теплотой вспоминает царь Соломон: «Я был сын... нежно-любимый... у матери моей!» (Притч. 4, 3). И любовь-то бывает разная!

Ученики Христа жили по этому благословенному правилу: «Мы могли явиться с важностью, как Апостолы,— пишет один из них,— но были тихи среди вас, подобно как кормилица нежно обходится с детьми своими».

У кого же они научились такой материнской доброте и чуткости? Кто был так отзывчив и всегда душевно расположен к людям?

Слушайте: «Я Сам приучал Ефрема ходить, носил его на руках Своих... Узами человеческими влек Я их, узами любви... и ласково подкладывал пищу им» (Ос. 11, 3—4). Сколько Отцовской нежности в этих словах!

Можно было бы горько, безутешно рыдать, если бы это слово было сказано то-

лько какому-то единственному или особо достойному человеку. Но это дышащее любовью слово обращено к вам, дорогой читатель, если вы даже никогда не знали и не слышали о Боге. Это влечет вас к Себе Тот, Кто знает совершенно точно, что вы более, чем кто-либо другой, нуждаетесь в любви и сострадании. Никто, кроме Него одного, не освободит вашу обремененную грехами душу от мучительных упреков совести. Никто так великодушно за одно лишь слово «прости» и «будь милостив ко мне, грешнику» не простит все ваши грязные и постыдные дела и не снимет тревогу с вашего сердца о вашем будущем. Мало того, Бог живой и всемогущий, Которого вы не хотели знать и, возможно, над Которым смеялись, вовеки не вспомнит ваших прежних грехов, а наоборот, подарит вам вечное счастье. Богу будет очень приятно видеть вас вечно радующимся и спасенным от адских мук. Этот жест Божественной любви — есть подарок, благое даяние Самого Бога вам лично!

В украинском языке слово «благодать» переведено словом «ласка», а 13-й стих 19-й главы Евангелия Матфея звучит так: «Він їх пригорнув, поблагословив, на них руки поклавши». Так и кажется, что это были не дети, а маленькие пушистые комочки.

Но если бы только на этих невинных малюток распространялась любовь Божья! Сам Христос, пожертвовавший Своей жизнью для спасения нашего, говорит: «Иерусалим, Иерусалим, избивающий пророков и камнями побивающий посланных к тебе! сколько раз хотел Я собрать детей твоих, как птица собирает птенцов своих под крыльями, и вы не захотели!» (Матф. 23, 37).

Дорогой друг! Не ощущаешь ли и ты сегодня нежного влечения Спасителя и ласкового прикосновения Его святых рук к твоей одинокой душе? Не уклоняйся от Него, потому что только под крыльями Его ты можешь найти покой и будешь безопасен.

Я не сообщу тебе новости, что время, в которое мы живем,— последнее, роковое, судя хотя бы по тому, какими стали люди. В Слове Божьем еще около двух тысяч лет назад был дан удивительно точный портрет современного человека:

«люди будут... горды, надменны... недружелюбны, непримирительны, клеветники... жестоки... предатели, наглы, напыщенны, более сластолюбивы, нежели боголюбивы...» (2 Тим. 3, 2—4). Я не желаю надолго останавливаться в этой страшной картинной галерее, хотя многим было бы очень полезно увидеть здесь свое неприглядное изображение. Люди словно разучились бескорыстно любить, стесняются сказать ласковое слово, не говоря уже о том, чтобы попросить прощения за причиненные оскорбления; стыдятся даже простых сердечных слез.

Вспоминаю случай, описанный А. Толстым. У царя Петра I умерла мать, и он плакал безутешно. Его молодая жена сказала: «Ну, поплакали и будет, чать цари». Услышав это, он поглядел на нее бешеными глазами и сказал: «До смерти не прошу тебе, один раз открылось сердце — и то растоптала».

Леденит душу такая бессердечность. Можно было бы отнестись мягче, душевней, как ротный фельдшер, о котором мне довелось однажды слышать. К нему пришел солдат, не может рукой шевельнуть, у него под рукой нарыв на нарыве!

— Ох, друг ты мой, я боюсь, не смогу тебе помочь. Потерпи, завтра придет полковой врач.

Не спал солдат уже которую ночь! Едва дождался утра, пришел на прием.

— Что у тебя? — не оборачиваясь, спросил врач.

— Болит страшно,— взглядом показал солдат на плечо.

— Поднимай гимнастерку, да поживей!

— Не могу, печет, сил нет...

— Давай, давай, мне некогда.

Сердце останавливается, еле поднял он руку. Тот глянул и как бичем хлестнул:

— Резать!

У солдата пот холодный выступил:

— Не могу я, доктор...

— Дело твое. Следующий, кто там?

Поплелся солдат в казарму, сердце надрывается, тело горит огнем. Промаялся еще сутки и решил снова пойти к фельдшеру:

— Браток, ну хоть чем-нибудь помоги!

— Что же мне делать с тобой, роди-

мый? Ладно, давай сначала потихоньку подними гимнастерку. Вот так, поддержи ее над головой здоровой рукой, а я как-то облегчу твои страшные раны. Потерпи, милый, чуть-чуть.

Боль ужасная, а он не сопротивлялся, доверился, потому что тот, словно мать, уговаривал.

Мгновенная резкая боль...

— Вот и все, сейчас перевяжу и пойдем отдыхать,— хлопотал вокруг солдата добрый фельдшер.

Блаженное облегчение, как сладкая истома, наполнила душу и тело солдата. Когда он опустил гимнастерку и взглянул на стол, то понял, что фельдшер, оказывается, разрезал... Сделал то, что должен был сделать полковой врач, только сделал это нежно, жалая.

Ах, если бы мы вот так жалели души людские! Посмотрите, как до неузнаваемости обезобразил их грех: от подошвы ноги до темени головы нет здорового места. Язвы, пятна, гноящиеся раны, неочищенные и необязанные и несмягченные елеем (Ис. 1, 6). Можно ли подходить к таким страдальцам без ласки и сердечности? Только самым бережным отношением можно облегчить их боль, внушить доверие, вернуть к жизни, приблизить к Богу.

— Кушай, голубчик! — погладив по голове и отдавая свой паек больному арестанту, сказала врач, тоже заключенная, пользовавшаяся каким-то особым благовоительным почетом многотысячного лагеря.

О, это «голубчик»! Этого заключенного уже давно по имени-то никто не называл за жестокость и зверские преступления. Исхудалой, дрожащей рукой он взял кусок хлеба, а по ввалившимся щекам текли благодарные слезы.

Об этом мне рассказывал брат, отбывавший заключение в 37-е годы. Он работал санитаром при этом милом докторе.

«Будьте братолюбивы друг ко другу с нежностью»,— призывает нас Слово Божье. В переводе с греческого этот стих выглядит так: «В братолюбии будьте друг с другом как родные».

Сейчас, когда пишу эти строки, я вижу тысячи погибающих от зла и жестокости, они ждут от нас ласкового слова, нежно-

го взгляда. И мне хочется умолять вас: покаемся, дорогие, обновим наше сердце и возвратимся к нежности!

Нежную отрасль посажу на высокой и величественной горе,— обещает нам Господь,— посажу,— и пустит ветви, и принесет плод, и сделается величественным кедром, и будет обитать... всякие птицы в тени ветвей его... «Я — Господь, сказал — и сделаю» (Иез. 17, 22—24).

Друзья мои! Если вы желаете иметь крепкие корни веры, жаждете привлечь души к Господу, то все это будет, непременно будет! Потому что обетования Божьи нерушимы. Они принадлежат в равной степени нам, как и древним. Сам Бог это делает с каждым из нас, но лишь при нашем преображении в нежность Божью.

Не оставайтесь глухи к этому призыву. Сегодня возблагодарим Бога нашего за нежность Его к нам и принесем сердечное покаяние за все, что было в нас грубо, жестоко, зло и холодно. Да изменится и обновится жизнь каждого из нас.

Не уклоняйся от нежного зова Спасителя и ты, измученный грешник. Он не повелевает грубо: «Резать!», но с любовью приглашает: «Придите ко Мне и Я успокою вас»

Я. Г. СКОРНЯКОВ

ЧЕРТА ХРИСТИАНИНА

Люди долгие годы учатся для того, чтобы освоить ту или иную науку. Учение же Христа рассчитано на всю жизнь. И это особенно относится к прощению.

Что такое прощение? В мире это слово не популярно, но на нем основано Евангелие Господа Иисуса Христа.

Простить — это значит больше, чем примириться. С прощенным мы должны обращаться так, как будто он никогда не сделал нам плохого. Все забыто и забыто навсегда.

Так прощает Бог. И так прощать Он учит всех Своих детей.

Не помнишь зла, причиненного нам другими,— в этом основная характеристика христианина.

Путь Христа — наш путь

Поношение, презрение и ненависть окружали Христа в дни Его земной жизни. Подобное положение вещей имело место не только в часы Его крестных мук, но и во все время Его служения. Как только Божественное величие нашего Господа начинало открыто проявляться в Его словах и поступках, оно сразу же наталкивалось на сопротивление, отрицание, поношение и ненависть. По мере того как Христос проявлял Себя Господом, повелевая демонам, устраняя грех и исцеляя болезни, соответственно возрастало сопротивление, поношение и презрение со стороны фарисеев, подстерегавших Его. «И наблюдали (фарисеи) за Ним, не исцелит ли его (человека с высохшей рукой) в субботу, чтобы обвинить Его» (Марк. 3, 2). «Фарисеи же вышедши имели совещание против Него, как бы погубить Его...» (Матф. 12, 14). Фарисеи окружали Христа и роились вокруг Него, подобно пчелам, всюду, где бы Он ни появлялся. Нашему Спасителю трудно было что-либо сделать без того, чтобы не подпасть под осуждающее око Своих врагов. Фарисеи непрерывно омрачали Христу радость Его служения людям. В начале Своего служения Господь исцелил расслабленного в Своем родном городе; «...сидели тут фарисеи и законоучители, пришедшие из всех мест Галилеи и Иудеи и из Иерусалима...» (Лук. 5, 17). Эти самозванные судьи только и ждали, чтобы обвинить Спасителя в богохульстве, всенародно осуждали и поносили Его.

Таким образом, на всем протяжении Своего служения наш Господь непрерывно чувствовал на Себе подкарауливающие и полные ненависти глаза Своих соглядатаев. Они неустанно искали против Спасителя обли-

чающие материалы, чтобы передавать их Высшему Совету в Иерусалиме, дабы получить возможность убить Христа (Луки 5 и 6 гл.). Христос шел путем, на котором Его все время окружали ненавистники и преследователи, о которых говорится в Св. Писании, что они, придя в бешенство, «...говорили между собою, что бы им сделать с Иисусом» (Луки 6, 11). Все их стрелы-слова, которые они день за днем направляли в Иисуса Христа, имели в себе яд ненависти и презрения. Сколько пренебрежения заключалось в их словах, когда они задавали вопросы якобы во имя праведности. Так, например, они говорили: «Что Он так богохульствует? кто может прощать грехи, кроме одного Бога?» (Марк. 2, 7). Имея все это в виду, следует себе только представить великое смирение, которым обладал Христос — Сын Бога Живого! Творец и Господь всего сущего позволяет людям и грешникам выговаривать и даже ругать Себя так, как если бы это были Его подлинные судьи и повелители. Христос молчал, когда они беззастенчиво говорили Ему: «Вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам...» (Матф. 11, 19); «...теперь узнали мы, что бес в Тебе...» (Иоан. 8, 52); «...искали убить Его за то, что Он делал такие дела в субботу» (Иоан. 5, 16).

На каждое проявление ненависти Христос неизменно отвечал новыми делами любви. Так например, Он не отказался быть в числе гостей в доме одного из Своих врагов — фарисея Симона. Спаситель сделал это из любви к душе этого фарисея, из любви к душам его друзей-единомышленников, которые тоже находились в числе гостей, и из любви к душе одной великой грешницы, ко-

торая была там. Хозяин дома, фарисей Симон, не только отказал Спасителю в любовном приеме. Больше того, он унизил Христа и осудил Его, сказав: «...если бы Он был пророк, то знал бы, кто и какая женщина прикасается к Нему, ибо она грешница» (Лук. 7, 39). Таким образом, фарисей Симон богохульно отождествил святости и честности Спасителя. Даже слуги Симона отвернули свои лица от Христа, стараясь не видеть Его. Для того, чтобы показать Христу свое презрение и пренебрежение, они даже не вымыли Ему ноги, что было сделано всем остальным гостям.

Дух ненависти, хулы и поношения постоянно изливался на Христа на всем протяжении Его земного пути. Дух этот, однако, не мог проявиться во всей своей мрачной полноте во дни действительного служения Спасителя. Следует все же отметить, что проявления неприязни и неуважения со стороны недоброжелателей Христа не прекращались. Подобно морским волнам, они накатывались на нашего Господа по всему Его скорбному земному странствованию. Наш Господь был временами воистину осыпан поношениями, хулой и издевательствами. Во время допроса перед крестными муками Его облачили в багряницу насмешки и на голову возложили терновый венок злости. Не всякому это дано было увидеть, однако на всем протяжении Своей земной жизни Христос был как бы облачен в невидимые одежды позора.

Этому страшному выражению злости, ненависти и презрения, которое проявляли открытые противники Спасителя, действительно помогали и те, кто не был для Христа врагом. Близкие родные нашего Господа и даже ученики, которые любили Его, вольно или невольно, способствовали превращению земного пути Христа в путь страдания и позора. Эта чаша, которую принимал Спаситель из близких и родных рук, была для Него особенно горькой. Непрестанные критические высказывания близких Христа причиняли Ему особенно большие страдания.

Близкие ко Христу люди видели, как

изнурял Спасителя избранный им тяжелый путь жертвенного служения. Всем им, по всей вероятности, очень тяжело было смотреть, как непрестанно теснившаяся вокруг Божественного Учителя толпа мешала Ему иногда даже поест и помолиться. Приближенные ко Христу не могли не видеть, как злобные фарисеи постепенно оплетали Спасителя своими ужасными сетями, чтобы предать Его на смерть. Ученики нашего Господа не могли не видеть того, что повсюду, куда Спаситель только ни приходил, Его появление сразу же возбуждало беспокойство, массовые сборища и связанные с этим определенные беспорядки. Люди переставали заниматься своим повседневным трудом, города и другие населенные пункты начинали походить на встревоженные пчелиные улья, а в синагогах возникали споры и появлялось несогласие. В отдельных семьях дети даже оставляли родителей для того, чтобы последовать за Христом. Имея все это в виду, родственники Христа неоднократно пытались отговорить Его от такой, полной напряженного беспокойства, жизни. Они хотели избавить нашего Господа от преследований и страданий. Вне всякого сомнения, близкие Христа слышали от своих знакомых из Назарета о тех поношениях и оскорблениях, которыми было усеяно все служение нашего Господа. Больше чем вероятно, что родственники Христа были очень озабочены всем происходящим. Можно предположить, что жизнь Христа, Его действия и высказывания представлялись им граничащими с безумием. Евангелист Марк свидетельствует об этом следующими словами: «И услышавши, ближние... пошли взять Его, ибо говорили, что Он вышел из себя» (Марк. 3, 21). Подобные заявления со стороны родственников Спасителя, которые они говорили вполне открыто, были великим унижением Сына Божия.

Его злобные враги — фарисеи — торжествовали. Наконец-то они услышали из уст самих родственников, что Христос «не в своем уме». А ведь именно родственники должны знать этого нового Пророка лучше, чем кто-либо дру-

гой. Подобные отношения и высказывания давали фарисеям определенные основания утверждать, что Христос «одержим сатаной».

Еще большие оскорбления и даже ненависть Спасителю довелось переносить в самом Назарете. Там Его оскорбляли люди, с которыми Он вырос и прожил почти тридцать лет. Там Спаситель знал по имени почти каждого. По всей вероятности, Он бывал там во многих домах и, будучи Спасителем мира, на протяжении всего этого времени оказал многим людям немало добра. Следует себе только представить те благословенные, укрепляющие и ободряющие проповеди Спасителя к окружающим Его людям! Священное Писание повествует о том, что люди «...дивились словам благодати, исходящим из уст Его...». Христос «учил в синагогах их, и от всех был прославляем» (Лук. 4: 15, 22).

Наряду с этим, некоторые люди с великой ненавистью встречали эти добрые и любовные устремления Спасителя. Фарисеи отзывались с большим и нескрываемым раздражением по поводу добрых дел, совершаемых Христом. С глубокой ненавистью они воспринимали все совершаемые Спасителем исцеления больных, изгнания злых духов и отпущения грехов. Обуреваемые великой завистью, фарисеи неустанно стремились умалить Христа, используя любую возможность. Первые проявления этих недобрых чувств Спасителю довелось воспринять именно от Своих одногороджан. В начале все же это не выражалось в такой открытой форме. Кое-что на время затаивалось в сердце. Ко времени же распятия Христа вся эта ненависть приняла страшные размеры. Еще до этого некоторые иудеи выражали свое нежелание признать явившегося Мессию. Во время одной проповеди Христа иудеи «...вставши, выгнали Его вон из города...».

Сегодня трудно себе даже представить великие сердечные раны, наносимые Господу Его соотечественниками и даже друзьями. Однако подлинная любовь не позволяет ожесточать себя. Поэтому Спаситель, несмотря ни на

что, продолжал любить, исцелять и помогать всюду, где появлялся.

Даже особо выделенные Спасителем двенадцать учеников, которые всегда были с Ним и непрестанно ощущали Его мощь и славу, и те оказались не на высоте. Они обращались со Христом по своему неверию, которое могло видеть только то, что осязает. Так было перед насыщением пяти тысяч человек, когда ученики рассматривали своего Учителя как обычного человека и не хотели считаться с Его Божественным могуществом. Они даже пытались давать Христу советы, как если бы Он был их учеником, а они учителями: «...место здесь пустынное, и время уже позднее; отпусти народ, чтобы они пошли в селения и купили себе пища» (Матф. 14, 15).

Ученики Христа не замечали ненависти фарисеев по отношению к их Учителю. Поэтому они не поняли Учителя, когда Он предостерегал их от злости фарисейской, которую Он тогда назвал «закваской». Услышав эти слова, ученики забеспокоились о том, что не взяли с собой достаточно хлеба. Они не почувствовали страданий Спасителя и не заметили, что враги окружают Его со всех сторон. Это и побудило ненавидимого, многими презираемого, оставшегося в одиночестве Христа, печально сказать: «...что рассуждаете о том, что нет у вас хлебов? еще ли не понимаете и не разумеете? еще ли окаменено у вас сердце?» (Марк. 8, 17).

Наш Спаситель, Господь Иисус Христос, совершал Свой земной путь как кроткий Агнец, Которого осыпали оскорблениями и встречали ненавистью. Он терпеливо переносил все это, не предпринимая никаких попыток освободиться от этого тяжелого груза. Он никогда не пытался восстанавливать Свою честь какими-либо определенными оправданиями или же протестами. Иногда Он просто констатировал факты: «...злословия злословящих Тебя пали на Меня» (Рим. 15, 3).

Христос шел по Своему земному пути так покорно, будто бы Ему и в самом деле полагалось быть таким ненавидимым, презренным и опозоренным. Под великой тяжестью навалившегося на

Него греха, Он склонялся так низко и так смиренно, что начинало казаться, что Он берет на Себя грех всего мира с каким-то основанием, хотя в действительности дело обстояло совсем иначе. Господь ясно сформулировал это однажды так: «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Иоан. 7, 7). Будучи арестованным, Христос молчаливо стоял перед Своими судьями и обвинителями, ненавистниками и клеветниками. Это был воистину «Агнец пред стригущим его безгласен». О Агнце Божий, невинный, закланный у подножия креста, всегда терпящий все поношения, которыми окружали Тебя! Ты понес на Себе весь наш грех!

На Своем скорбном пути, ненавидимый всем грешным миром, Спаситель хочет иметь тех, кто верит в Него по-настоящему. Все эти люди должны непременно принять участие в Его страданиях. В послании к Филиппийцам Ап. Павел пишет: «...вам дано ради Христа не только веровать в Него, но и страдать за Него» (1, 29). Говоря обо всех, за Него оскорбляемых и гонимых, Христос сказал: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня; радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах: так гнали и пророков, бывших прежде вас» (Матф. 5, 11—12). Путь гонений рассматривается Господом Богом в Его Святом Слове как нечто само собой разумеющееся. Ап. Павел пишет: «...все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). Христос весьма отчетливо говорит, что Его путь является также и путем всех Его учеников и последователей: «...Если Меня гнали, будут гнать и вас...» (Иоан. 15, 20). Да будет для нас ясно, что жизнь Христа, является и нашей жизнью, Его путь — нашим путем.

Весь земной путь нашего Спасителя представлял собой жизнь послушания, чистоты и святости. Одновременно это была также и бедность и унижение. Именно поэтому Христос и оказывается

«камнем преткновения», причиной беспокойства и даже раздражения для тех, кто не желает добрым путем Спасителя выправить свои грешные и злые дороги. Это имел в виду Спаситель, когда сказал неверовавшим в Него братьям: «Вас мир не может ненавидеть, а Меня ненавидит, потому что Я свидетельствую о нем, что дела его злы» (Иоан. 7, 7). Из всего этого видно, что если и мы, желая быть со Христом, начинаем идти за Ним, нам уготована та же участь бедности, унижения, послушания истине, являющихся особенностями пути Агнца. Фарисеи и книжники не могли согласиться с таким путем. Не выносят его и сегодня все те, в чьей груди бьется сердце, исполненное фарисейской самоправедности. Следует сказать, что мы никогда не станем ангелами света и истины, если и впредь будем так упорно не допускать Господа Бога к исправлению нашего высокомерного сердца. Сердце плотского человека не выносит ни оскорблений, ни унижений. Поэтому оно так упорно и уклоняется от них. Горе, однако, тем, на чьем пути не встречаются эти тяжелые переживания. В таких случаях следует сразу же спрашивать себя: находимся ли мы вообще на пути Христовом?

В благословенной первосвященнической молитве Христос дает нам весьма отчетливый отличительный признак тех, кто с Ним: мир ненавидит их (Иоан. 17, 14). Ненавидит последователей Христовых и так называемый «справедный мир», потому что, несмотря на всю свою мнимую праведность, он все-таки является миром. Это хорошо подтверждается «справедным» негодованием законников фарисеев, непрестанно протестовавших против пути Христова.

Идя иными дорогами, трудно верить по-настоящему и полностью доверяться Христу ненавидимому, гонимому и унижаемому. Невозможно быть со Христом, если мы избираем путь, на котором не начертано имя: «Агнец Божий, всегда терпящий поношения и любые несправедливости и преследования». Не верен путь, на котором нет следов Того, Кто всю Свою земную

жизнь шел, раясь шипами ненависти, злобы и поношений. Обращаясь к Своим ученикам, Спаситель сказал им с великой и проникновенной серьезностью: «Если бы вы были от мира, то мир любил бы свое...» (Иоан. 15, 19). Таким образом, горе нам, если мир, возненавидев нашего дорогого Спасителя, полюбит нас. Это значит, что мир нас считает своими. Это значит, что мы соглашаемся с его основными положениями и действуем в полном согласии с ними. Внешне мы как будто все делаем вполне прилично. Благообразно распоряжаемся своим имуществом, силой и временем, но совсем не стремимся к достижению Царства Божия и Его праведности. Слово Божье призывает к отказу от прелестей этого мира для получения более лучшей и вечной жизни с Богом и для Него.

Мир и многие внешне благочестивые люди благосклонно относятся к такой жизни, когда все учитывается и распределяется в так называемом мещанском благополучии. Но вот кто-то из его среды вступает на путь некоего, кажущегося безумия, о котором еще Апостол Павел сказал, что «мы безумны Христа ради» (1 Кор. 4, 10). В глазах мира безумие это заключается в том, что человек ради Христа оставляет мирское и забывает его. Так поступая, человек нарушает многие принципы и положения этого мира, который не может ему этого простить. Возникают разногласия и недоразумения в кругу знакомых, сослуживцев и даже в семье. Дело в том, что каждый верующий, одновременно является и членом того человеческого общества, в котором он живет и находится в постоянном общении. Наше освобождение от его влияния причиняет этому обществу болезненное раздражение. Подобное с нашей стороны поведение оскорбляет мир, который никогда не прощает таких к себе отношений. Мир всегда осудит того, кто из-за Бога оставляет все остальное. Обычно человек редко когда расположено поступиться чем-либо своим. Руководствуясь подобной установкой, такой человек рассматривает в отрицательной форме действия своего

окружения, когда оно поступает иначе. Иногда он приписывает таким людям даже низменные мотивы и побуждения. Поступая таким образом, подобные эгоисты пытаются в какой-то мере обосновать свои действия и оправдать свой путь мирской теплохладности, путь некой «золотой серединки». По этим причинам мир, каким бы он внешне благочестивым ни был, не переносит, а порой даже и ненавидит всех этих сеятелей раздора и беспокойства, которые вместо мира приносят меч, разделяют семьи, когда отец отделяется от сына и мать от дочери (Матф. 10, 34—35).

Таким «сеятелем беспокойства и разрушителем мира» явился Христос и Его последователи. Именно поэтому мир и ненавидит всех их. Последовав за Христом, Симон Петр и Иаков оставили своего отца и его рыбачий промысел, где они были использованы как крепкие, молодые люди. Покинув отца, они одновременно лишились и хорошего заработка. Их в общем обеспеченное положение оказалось нарушенным. Несмотря на все это, Петр и Иаков все же пошли за Христом, чтобы служить Ему. Вслед за ними по их пути движется многочисленная рать единомыслящих. На протяжении многих веков все они пристраиваются к фундаменту, которым явились Апостолы.

Соответствует ли этот путь, из-за которого нарушаются многие жизненные распорядки, тем положениям и установкам, которые дает нам Св. Писание? Как могут понять подобный путь те, кто находится под законом, если путь этот выходит за его рамки? Не следует ли, прежде всего, строго придерживаться установок Св. Писания, касающихся соблюдения праздников, уважения к окружающим людям, долга по отношению к собственной семье и т. п.? Не заслуживают ли порицания подобные «сеятели беспокойства»? На эти вопросы имеется только один отрицательный ответ, ибо все перечисленные выше положения должны рассматриваться прежде всего в плане их полного подчинения великому делу Спасителя. Наш Господь в самой категорической форме заявил о том, что Он является

господином и субботы. Так же отчетливо и ясно Христос сказал о том, что Его делу должна быть подчинена и семья со всеми ее положениями, проблемами и нуждами. По зову Спасителя сын должен оставить непохороненным даже отца, чтобы немедленно следовать за Христом. Услышав голос Спасителя, зовущий к служению на Его ниве, человек должен оставить все решительно и немедленно приступить к выполнению ставящихся ему задач и поручений.

Мы не можем ставить выше Христа некоторые отдельные положения, высказанные в Св. Писании, которые мир приспособил к своему пользованию. Так же будет неправильно считать, что, исполняя те или иные указания закона, можно было бы этим и ограничиться. Господь Иисус Христос высказался и по этому весьма актуальному вопросу с присущей Ему ясностью и отчетливостью. В случае с богатым юношей, который с раннего детства исполнял все законы, Спаситель, несмотря на все это, Свой призыв ставит превыше всего. Имея это в виду, Христос сказал юноше: «...пойди, все, что имеешь, продай и раздай нищим, и будешь иметь сокровище на небесах; и приходи, последуй за Мною, взяв крест» (Марк. 10, 21). Услышав эти слова Христа, богатый юноша, смутившись, «отошел с печалью, потому что у него было большое имение». Богатый юноша поступил так не только потому, что ему трудно было расстаться с большим имуществом, но, может быть, он почувствовал, что крестный путь, на который его звал Спаситель, сулит ему многочисленные трудности и унижения, презрение и насмешки.

Аналогичное положение вещей имело место в жизни Франциска Ассизского. Вняв призыву Христа и последовав за Ним, он подвергся жесточайшим оскорблениям со стороны своего отца и даже был изгнан из дому. Но следует отметить, что именно это событие и вывело Франциска Ассизского на тот путь, на который его позвал Спаситель, на путь, который всегда отмечен знаком презрения оскорблений и трудно-

стей. Таким образом, главное в жизни каждого человека, — это услышать призыв Спасителя мира, зовущий на Его благодостный, хотя и тяжелый путь.

Путь Христа — это самоотверженная любовь

Слово Божье говорит, что Господь Иисус Христос, будучи богат, обнищал ради нас (2 Кор. 8, 9). Воистину во время Своей земной жизни наш Господь был до того беден, что не имел где «приклонить голову» (Лук. 9, 58). Это становится особенно значительным, если мы вспомним о том, что Иисус Христос — Божественное Слово, Логос — является Создателем всего видимого мира. Все в мире является Его собственностью. Несмотря на это, Христос отказался от всего, для того чтобы спасти нас от надвигающейся погребели,

Единородный Сын Божий прошел Великим Нищим по всему Своему скорбному земному пути. Христос не мог назвать Своим ни одно жилище. Отвечая одному человеку, изъявившему желание следовать за Ним, Он сказал: «Лисицы имеют норы, и птицы небесные — гнезда; а Сын Человеческий не имеет, где приклонить голову» (Лук. 9, 58). Повсюду, где Христос совершал Свое благодатное служение, Он останавливался в чужих домах. Вне всякого сомнения, такая бедность сопровождалась и известной материальной зависимостью. Следует отметить, что денежный ящик носил при себе не Христос, а Иуда Искариотский, который потом и предал своего Учителя. Исследуя Св. Писание, можно убедиться в том, что Иуда по своей скупости и вороватости нередко давал Христу ощущать Его бедность в самой острой и чувствительной форме.

Почему же все-таки Христос должен был пройти Свой земной путь в такой потрясающей нищете? Ответ на этот вопрос можно найти лишь во всепредвидящей и сверхчеловеческой мудрости Отца Небесного, Который усмотрел для земного странствования Своего Едино-

родного Сына именно этот путь нищеты. Устами Апостола Павла Слово Божье говорит нам о том, что мы познаём «...благодать Господа нашего Иисуса Христа, что Он, будучи богат, обнищал ради вас, дабы вы обогатились Его нищетою» (2 Кор. 8, 9).

Считая божественным тот путь нищеты, по которому шел Христос, можно сказать, что Он явил нам в Себе прекрасный пример как поступать тем, кто желает идти по Его следам. Если, любя нашего Господа, мы вступаем на этот путь и идем им, слова Христа о блаженстве нищих духом (Лук. 6, 20) относятся и к нам. Говоря о блаженстве, Христос имел в виду не только духовную нищету. В притче о богаче и Лазаре Христос касается нищеты материальной, отсутствия здоровья и почестей. Он сказал: «...трудно богатому войти в Царство Небесное» (Матф. 19, 23). Это положение Он уточняет следующими словами: «...горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение» (Лук. 6, 24).

Обращение Христа к богатому юноше оставить все свое имущество, чтобы следовать за Ним, весьма показательно. Оно свидетельствует о том, что у некоторых из тех, кто делит со Христом Его скорбный путь до конца, Спаситель требует иногда также и отсутствия личной собственности. Под таким путем бедности Св. Писание подразумевает, конечно, не дословный отказ от решительно всякой собственности. Призыв Христа следовать за Ним путем нищеты означает, прежде всего, желание Спасителя, чтобы мы вели простой образ жизни. Кроме всего прочего, это еще значит делиться с другими, имеющимися у нас достатками. Это значит идти путем жертвенности, на который нас выводит подлинная любовь к Богу. Именно это имел в виду Спаситель, сказав: «...всякий из вас, кто не отрешится от всего, что имеет, не может быть Моим учеником» (Лук. 14, 33). Первая христианская община в Иерусалиме действовала именно таким образом: «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа: и никто ничего из имения своего не назы-

вал своим, но все у них было общее» (Д. Ап. 4, 32).

Так ведет путь Христов всех, кто решает идти за Ним до самого конца: встать на путь обнищания не по закону, а по любви. Исполненный великой любви к людям, наш Спаситель зовет всех колеблющихся, говоря им: «Следуйте за Мною». Это значит — не оставляйте Меня одного на пути обнищания. Христос сказал: «Кто Мне служит, Мне да последует, и где Я, там и слуга Мой будет; и кто Мне служит, того почитит Отец Мой» (Иоан. 12, 26).

Всю Свою жизнь на этой земле Христос провел в полной нищете. Не следует ли и всем Его последователям поступить так же во время их земной жизни? Путь обнищания в земной жизни Спасителя был сопряжен с известными страданиями. За все это полагается награда, которая распространяется на тех, кто сострадает вместе с Ним. Слово Божье говорит, что мы «...наследники Божию, сонаследники же Христу, если только с Ним страдаем, чтобы с Ним и прославиться» (Рим. 8, 17).

Сатана непрестанно пытается помешать нам получить это божественное наследство. Он стремится представить обнищание как нечто непохвальное и характеризует его ироническим выражением «праведность делами». Такие взгляды нашли одобрение в жизни многих христиан, которые рассматривают путь обнищания как нечто «неевангельское».

Такие заблуждающиеся не замечают, что смотрят сквозь пальцы на имеющееся в Слове Божьем положение, где устами Апостола Павла Дух Святой говорит всем верующим о том, что в них должны быть те же чувствования, какие и во Христе Иисусе: «Он, будучи образом Божиим, не почитал хищением быть равным Богу; но уничижил Себя Самого, приняв образ раба, сделавшись подобным человеку и по виду став как человек; смирил Себя, быв послушным даже до смерти... крестной» (Фил. 2, 5—8).

Такие заблуждающиеся не хотят сопутствовать Апостолу Павлу, шедшему за Христом и сказавшему: «Но что для

меня было преимуществом, то ради Христа я почел тщетою. Да и все почитаю тщетою ради превосходства познания Христа Иисуса, Господа моего: для Него я от всего отказался, и все почитаю за сор... Итак, кто из нас совершен, так должен мыслить...» (Фил. 3: 7—8; 15). Поступая иначе, христиане сами удаляют себя от достижения великой и славной цели.

Об учениках Христа говорится, что они оставили все: безопасную жизнь, дом и хорошие заработки, и все это для того, чтобы следовать за Христом по-настоящему.

Что же мы оставили ради Христа сегодня? В чем и где обнищали ради Него и мы с вами? Нередко многие, считающие себя подлинными последователями Христа, даже и не подозревают своей страшной связанности имуществом, доходами и правами.

Следование за Христом включает в себя обнищание и оставление многих благ в обязательном порядке. Всем

нам, и в особенности тем, кто очень уверен в том, что он является истинным последователем Христа, следует призадуматься над словами Спасителя, сказавшего: «...горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение». Имея все это в виду, следует спросить самих себя: не являемся ли и мы омраченными сатаной душами?

Наша любовь ко Христу не должна находиться в состоянии какого-то блаженного покоя. Напротив, она весьма предприимчива. Она непрестанно ищет и всегда находит правильные пути и возможности для оставления всего того, что мешает достигнуть Христа и поставленной Им славной цели. Такая любовь движется силой Духа Святого. Дух Святой является Духом подлинной свободы и всегда может указать правильный путь и наставить как вести жизнь в подлинном духе обнищания Христова.

(Продолжение следует)

Б. Ш.

„Будете иметь скорбь“

Принятие Христа личным своим Спасителем и Господом устраняет греховную вину человека, но от различных переживаний и трудностей это не освобождает. Принятое человеком спасение Божье дает ему мир с Богом, но, в то же время, открывает и совсем новые трудности, о которых Господь возвестил заранее: «В мире будете иметь скорбь». Скорбь эта проявляется различно, но она всегда вытекает из жизни веры детей Божьих и послушания их своему Спасителю и Господу. Иногда это — простое нерасположение или недоброжелательство со стороны окружающих людей; в других случаях — это презрение, уничтожение, злословие, клевета, издевательства и т. п.; но бывают и тюрьмы, и ссылки, и даже мученическая смерть. В общем, верующий должен знать, что если он верно служит Господу (1 Иоан. 2, 6), то непременно встре-

тится с различного рода противодействиями со стороны мира, ибо «раб не больше господина своего». И «горе вам,— говорит Спаситель,— когда все люди будут говорить о вас хорошо. Ибо так поступали со лжепророками отцы их» (Лук. 6, 26). Мир, отвергший Христа, не имеет места и для Его учеников! Путь в жизнь вечную узок и тернист! Но ведь и в жизни по плоти, в жизни самоугождения — для чада Божья — совсем ничего доброго нет! Здесь, в мире этом, дети Божьи — «странники и пришельцы» (Евр. 11, 13); но зато они «уже не чужие» Господу, «но сограждане святым и свои Богу» (Еф. 2, 19). И еще раз скажем: зато есть у детей Божьих в мире этом благословеннейшее общение с Богом, внутренний мир, радость в Духе Святом и чистая святая жизнь, полная утешения и глубокого удовлетворения!..

Помните слово, которое Я сказал вам: раб не больше господина своего. Если Меня гнали, будут гнать и вас; если Мое слово соблюдали, будут соблюдать и ваше.
Иоан. 15, 20

РАДОСТЬ ВЕРЫ ХРИСТИАНИНА

Е. БЕРСЬЕ

Все просто в этом евангельском описании сретения Господа; ничто не напоминает здесь того пышного величия или того множества чудес, которыми обыкновенно ложные религии окружают детство своих пророков и богов. Посмотрите на Марию и Иосифа, входящих в Иерусалимский храм. Кто мог бы подумать, что величайшее служение роду человеческому предстит Младенцу, Которого они принесли «представить пред Господа». Не было свиты, которая бы сопровождала их, не было никакого славного чуда, которое бы озаменовало обряд, совершенный ими. Лука указывает только, что они должны были принести в жертву Богу двух горлиц, то есть жертву самых бедных, и что в то время были в храме некто праведный старец Симеон, взявший Младенца на руки и сказавший несколько слов, и некая праведная старица Анна, некто говорившая о Младенце «ожидавшим избавления в Иерусалиме».

Но остановимся на Симеоне. Евангелие описало его такими простыми словами: «Он был муж праведный и благочестивый, чающий утешения Израилева; и Дух Святой был на нем». Да, все совершенно просто в этом описании, и, между тем, кто из нас может читать это без глубокого волнения? Как величественно лицо старца Симеона — того человека, вся жизнь которого была долгое ожидание и который видит, что теперь, наконец, осуществляются все чаяния сердца его! Как трогательно слова,

которые выливаются из этого сердца: «Ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром!» Как сильно вера, с которой он приветствует в этом Младенце Спасителя людей, возвевающая цель пришествия Его, исполнение которой так чаялось и приближалось с каждым днем!

Не кажется ли вам, что в старце Симеоне как бы олицетворены все верующие Ветхого Завета, все, в продолжение стольких веков жаждавшие избавления им предвозвещенного? Не видите ли вы в лице его как бы отображение церкви патриархов и пророков? Симеон, приняв новорожденного Христа на свои ослабевшие руки, как бы представляет Его Церкви будущего и говорит ей: «Мое дело окончено. Вот Тот, Которого я так горячо жаждал; вот Спаситель твой и Царь твой!»

Симеон, говорится нам, чаял утешения Израилева. В этом кратком, но поражающем изречении мы открываем мысль, неведомую древнему миру, которая придает еврейскому народу необыкновенное, несравнимое с другими народами, величие. Израиль — народ, который чаял, ожидал, в то время как другие народы увеличивают свои владения, побеждают и распространяются на земле, думают только о своем могуществе, о своем видимом благоденствии. Израиль ждет... Даже в самое знаменитое время своей истории он возносит свои взоры к будущему: он «ожидает царствия Божьего на земле». О, я хорошо знаю, сколько плотского и своекорыстного примешивалось к этому чаянию; я знаю, что для массы народа царство Бога — это царство Израиля, это — блистающий Иерусалим, это — увеличенные владения, это — враги, попираемые ногами, это — могущественное владычество над всеми народами мира, но души истинно благочестивые и святые иначе понимали утешение Израилева. Для них вопрос был, прежде всего, в духовном избавлении, прощении, спасении. Они жаждали славы Божьей, они ожида-

ли воистину Божьего «спасательного для человеков» царства на земле.

Ни время, которое проходит, ни несчастное состояние, в которое впал Израиль, ни насмешки неверующих, ни равнодушные самих первосвященников саддукеев, ни таинственное молчание Бога, Который как будто оставляет дело Свое, ни преклонный возраст, ни его седина не могут ослабить эту непоколебимую надежду. Опираясь на Божественное обетование, которое он противопоставляет всему, что видит и слышит, всем колебаниям своего ума и слабостям сердца,— Симеон верит, чаёт, надеется. Какая жизнь, какой дивный пример и для верующих в нынешнем веке! Какой благодатный урок!

И действительно, христианин — человек, который чаёт, ждёт. О, я знаю, что Христос пришел! Пришел Тот, Который имеет глаголы жизни вечной, и к Кому могли бы мы пойти, как не к Нему Единому?! (Иоан. 6, 68). Пришел Тот, Который Один только может утолить нашу жажду правды, прощения, святости, любви! Он пришел, и мы Его познали, и мы хотим, чтобы в сердце нашем именно Его место было самое святое! Мы и не ждем другого и верим, что ни земля, ни небо не могли бы дать святости высшей, чем Его святость, и милосердия более чудного, чем то, которое Он проявил на кресте. Но если Христос пришел, то и царство Его должно прийти, и это-то именно царства мы и чаем.

Принадлежите ли вы к числу тех, которые чают и обращают прежде всего взор свой к будущему, потому что настоящее не может их удовлетворить? Да,— ответите вы мне,— конечно; и кто не хотел бы прослыть здесь удовлетворенным! Особенно же все те, которые страдают, томятся настоящим,— они ждут, они надеются. Но в этом случае речь идет не о страдании эгоиста, который надеется получить завтра то, в чем нынешний день ему отказывает. Всякое страдание, относящееся только к вам самим, эгоистично в самом начале сво-

ем. Не говорите мне об этих тревожных стремлениях, об этом унынии, которое является следствием разочарования, оскорбленного самолюбия, глухой затаенной зависти, неудовлетворения низким положением. В этом нет ничего великого, и как бы поэтична ни казалась вам ваша грусть, она, тем не менее, низка, мелочна и бесплодна.

Я обращаюсь к тем, которые ищут и страдают потому, что они жаждут правды и истины, и потому, что видят вокруг себя заблуждение, эгоизм, нравственное падение. Это люди действительно чающие истинной утехи, которой они и ждут всеми силами своей души, потому что всецело преданы Иисусу Христу как Единому Спасителю. И как же вы хотите, чтобы они после того, как увидели в Нем свет, чистоту, нравственную гармонию, а главное,— святую любовь во всей ее полноте,— могли бы примириться с людьми века сего и с миром, полным мрака греха? Я вам покажу людей, которых мир мог вполне осчастливить, людей, имеющих таланты, силу, богатство, наслаждающихся любовью и всем, чем очаровывает жизнь, но которые после того, как озарены были светом Христа и созерцали лицо Его, поняли, что вовсе не это может их удовлетворить и успокоить. Пламень жажды правды и святости охватил их душу; а пока им нужно бороться с грехом, подавляющим их, с алчными желаниями, унижающими их, — они неудовлетворены, они чают утехи, ждут. Они созерцали Христа, они насладились Его любовью, сердце их открылось, как открываются глаза, и в ярком свете видят они все несправедливости и беззакония, которые скорее нужно исправить, все страдания людей, которые скорее нужно облегчить; и чем глубже проникает их милосердие, тем более подавляет их все видимое в мире сем. При возбужденном отношении к действительно горьким и ужасающим бедствиям духовным, они чувствуют себя подавленными, сокрушаются сердцем и чают,

ждут избавления, как измученные свободы (см. Лук. 4, 18; Ис. 61, 1—2).

О, если бы наше сердце умело любить любовью более обширной, великодушной и преданной! О, если бы все страдания и несправедливости пробуждали в нашей совести истинную горькую скорбь жаждущих мира и святости, то не были бы все мы, как Симеон, чающий истинной утехи Израилевой?!

Но чтобы быть искренним, нужно сказать, что весьма мало число тех, которые так страдают и которые испытывают пламенную потребность прибегать к чайнию царства Божия в евангельском смысле. Не будем льстить человечеству, не будем придавать нашим горестям и нашему отвращению к миру что-либо высокое, святое. Признаем со смирением, что, если человек обладает здоровьем, силой, талантом, богатством и если у него все удачно идет на земле, нужно, чтобы душа его вполне увлечена была Евангелием, чтобы вздыхал он о Боге и духовном царстве Его; признаем, что между нашими рассуждениями по Евангелию и нашим истинным настроением существует в этом отношении часто как бы смешной контраст, если только можно выразиться так, и что, если христианство нашего времени заставило прозвучать печальные струны души, заговорило о великих скорбях и об идеальных стремлениях,— этот язык, на самом деле, кажется крайне высокопарным и даже пустым для того, кто видит, как наша жизнь легко удовлетворяется, как поглощается она современными интересами, материальными удобствами и светской суетностью.

И все же, что нужно нам для того, чтобы этот язык стал искренним? Скорбь. Скорбь не только с ее ударами, но и с трудным испытанием терпения. Тогда только наше сердце понимает впервые то, что оно до тех пор только провидело. Христианам, думающим, что они любят Бога, нужно самим пострадать, нужно самим испытать земные разочарования,

чтобы научиться вздыхать о том мире, где царствует правда. Прошли ли мы все чрез это испытание?

Вы любили, например, говорить о царстве правды, о торжестве справедливости. Размышляя о всех несправедливостях, угнетающих людей, весьма часто ваше воображение уносилось к тому времени, когда дело Бога восторжествует. Вы думали, может быть, что мечтать таким образом — значит ожидать царства Бога. Вдруг вы делаетесь жертвой несправедливости; она пронзает ваше сердце, как злостреленная отравленная стрела; вы чувствуете, как коварная рука терзает зияющую рану! О, тогда вырывается у вас молитва пламенная, искренняя! Это уже не полет вашего воображения, это вопль вашего сердца, призывающего праведного Судью! Все притеснения мира открываются вам в их мрачной действительности, и с рыданиями призываете вы день высшего удовлетворения.

Не правда ли, что тогда перед вами как бы разрывается завеса и тогда вы видите в действительности перед собой всех тех, которые страдают, страдают, увь, без сочувствия; всех тех, которые не имеют ни ваших утешений, ни ваших средств? Ваше собственное страдание освещает более ярко, более сильно отчаяние чужих страданий, и вы с большею горячностью призываете царство Утешителя.

Таким образом, переживая горькие испытания, душа наша научается стремиться к жизни небесной и чаять открытия царства вечной истины. Вздыхая о самих себе, мы, естественно, вздыхаем и о мире и присоединяем нашу молитву к тому великому вздоху всего творения, о котором говорит Ап. Павел: «Ибо тварь с надеждою ожидает откровения сынов Божиих,— потому что тварь покорилась суете не добровольно, но по воле покорившего (ее),— в надежде, что и сама тварь освобождена будет от рабства тлению в свободу славы детей Божиих. Ибо знаем, что вся

тварь совокупно стенает и мучится доныне; и не только она, но и мы сами, имея начаток Духа, и мы в себе стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего. Ибо мы спасены в надежде. Надежда же, когда видит, не есть надежда; ибо, если кто видит, то чего ему и надеяться? Но когда надеемся того, чего не видим тогда ожидаем в терпении (Рим. 8, 19—25).

Чаять, надеяться и ждать — вот наше призвание. Мы служители, хозяин которых в дальней стороне, и мы бодрствуем, ожидая его возвращения (Лук. 12, 32—37). О, сохраняйте в самой глубине вашего сердца это великое чаяние, не допускайте, чтобы этот небесный огонь в душе угас от дуновения, равнодушия или неверия. Подобно Симеону, вам придется бороться со всеми искушениями, сомнениями и испытывать горечь души от насмешек неверных. Быть может, вам будут говорить: где обетование пришествия Его? (2 Петр. 3, 4). Будут и вам говорить о Евангелии как о постепенно теряющем силу свою, и скажут, что Бог не вступает более для защиты дела Своего; или противопоставят кажущейся слабости и разделению церкви, упадку и измене тех, которые отступают от знамени Христа, — скептицизм ученых и даже враждебное отношение к религии вашей. Ну так что же? Подобно Симеону, живите чаянием, ожиданием, надеждой; пусть Слово Бога неизменно будет вам прибежищем и, утвердившись на этой скале, ждите, ждите еще. День Господа настанет! Когда же начнет это сбываться, тогда восклонитесь и поднимите головы ваши, потому что приближается избавление ваше (Лук. 21, 28). Но в самый день воздаяния еще более будут счастливы те, которые, не видав его восхода, умерли со взорами, обращенными к Востоку, и никогда не сомневались в верности Бога. «Верен Призывающий вас, Который и сотворит сие» (1 Фес. 5, 24).

Кроме твердости надежды, вторая отличительная черта, поражающая

нас в старце Симеоне, это — величие его веры. Что видит он в Иерусалимском храме? Бедного Младенца, принесенного бедными. Что может быть более превратного и более неопределенного, как будущее бедного Малютки? И в этом Младенце он открывает Того, Который должен сделаться славой Израиля! И, что еще более поразительно и совершенно чуждо уму еврея, — Того, Который осветит и возродит язычников! Какая чудная будущность! Симеон созерцает все человечество как свиту Младенца, Которого он несет на старческих своих руках. Никогда еще такие великие надежды не покоились на таком слабом основании; никогда не было веры более смелой, которая парила бы так в светлое будущее человечества по указанию Слова Божия. И что же, ошибся ли Симеон? Я обращаюсь к самому неверию. Пусть оно скажет нам: не осуществились ли все события, предсказанные им? Не стало ли имя этого Младенца не только славой Израиля, но самой высшей славой человечества? Не возродились ли действительно через Иисуса язычники и не образовали ли они одну духовную семью (какое восхитительное имя!), которая постепенно увеличивается и надеется принять в свои объятия все человечество?

Что же, есть ли в нас вера Симеона? Сравним на минуту наше положение с положением Симеона. Симеон поверил, когда Иисус был Младенец. Вот уже девятнадцать столетий как Иисус живет и дает жизнь миру. Симеон поверил, когда Иисуса сопровождали только Иосиф и Мария. Мы же видим Его окруженным пророками, которые возвещали о Нем, Апостолами, которые проповедовали о Нем, искупленными всех пережитых веков, которые всему миру возглашают, что они в Нем Едином нашли прощение, свет и мир. Симеон поверил, когда Иисус еще ничем не проявил Себя. Мы же видели Его служение, Его несравнимую жизнь, Его необъяснимые чудеса; мы видели, что Его дело растет и развивается, что

Его Евангелие, везде сильное, ведет повсюду неутомимую войну с неправдой, заблуждением, грехом; Его Церковь, много раз близившаяся к гибели, всегда поднималась и росла, несмотря на угрозы, презрение и преследования; мы видели Христа, совершающим вокруг нас, в самой глубине душ, дело в высшей степени поразительное и неопровержимо Божественное: превращение воли, обновление чувств, дивное изменение всего человека. Мы видели Его овладевающим сердцами в настоящее время точно так же, как и в то время, когда взор Его останавливался на Закхее, чтобы любовью и всепрощением привлечь к Себе. Видели что может и что значит Его имя в горьком искушении страдания или в торжественную минуту смерти, когда иллюзии более невозможны, когда человеку во что бы то ни стало нужно прощение, ибо он должен предстать пред Высшим Судьей. Иные из нас приняли с умирающих уст вместе с последним благословением — это обожаемое имя, которое заключало в Себе целую жизнь веры, любви и долгого чаяния.

И это не все еще. Симеон поверил, когда Иисус ничего еще для него не сделал. А мы? Мы видели Его любовь во всем ее величии, мы приведены были к подножью Креста Его! Нам проповедовали о Его неизреченном милосердии, о таком Его великом смиреннии и уничижении, что тело Его, которое Симеон держал на своих руках, покрыто было ранами от бичевания и пронзено было гвоздями; что глаза Его тщетно искали тогда лицо Отца, оставившего Его; что уста Его произносили самые высокие и самые чудные спасительные слова во время ужасающей агонии. О, непостижимая Любовь! И, увы! Давно мы все это знаем, и иногда бывает тронут и даже потрясено сердце наше от представления сего, но, когда нужно показать нам твердость и силу веры, то бываем нерешительны, неуверенны и отступаем. Мы или удерживаем для самих себя сердце, которое

Бог просит у нас (Притч. 23, 26), или, руководясь низменным расчетом, мы решаемся отдать Ему сердце только тогда, когда мир не захочет более удерживать его!

Но я слышу ваше оправдание: «Вера не повелевается», — и прибавите, что Симеону легко было верить, потому что он был предупрежден Духом Святым. О, я хорошо знаю и отвечаю вам, что вера не повелевается! Бог не насилует никого. Не для того, чтобы рабы Ему служили, послал Он на землю Сына Своего; чтобы овладеть нами Он привлекает нас, нежно призывает; это и есть то, что Писание называет влечением Духа Святого. Но кто из вас уверит меня, что вы никогда не чувствовали этого влечения и что вы имеете право сказать, что Бог вас не предупреждал?

Я не знаю вашей внутренней жизни, но я знаю свою жизнь, а «сердце человека отвечает сердцу человека». И потому, умоляю каждого из вас, забывая о всех других людях, допросите себя пред Богом: не чувствовали ли вы когда-нибудь в своем сердце тайный голос, призывающий вас к Иисусу Христу. Он различен. Это таинственный голос не для всех звучит одинаково: для законелых грешников Он часто гремит, подобно страшному грому, но для маленького ребенка, читающего Евангелие у ног своей матери, это — голос Доброго Пастыря агнцев, полный нежности. Не слышали ли вы Его? Он напоминал вам о ваших прошлых ошибках, о том, чего вы тайне стыдитесь; Он в тишине, вдаль от людского шума, говорит вам о Боге, о суде, которого вы не можете избежать, и о вечности, ожидающей вас. Он смущает ваши преступные радости и растворяет их раскаянием. Это Он, Который, когда вы стараетесь забыться в безумных волнениях, пищет на вашей совести те слова, какие таинственная рука начертила во время пира Валтасара на стене двора: «Ты взвешен и найден легким». Он заставляет вас так хорошо понимать сколько есть в земной жизни мелоч-

ного, холодного, пустого и смешного. Он заставляет вас стремиться к любви чистой, к жизни святой, к миру внутреннему; Он призывает к бесконечным радостям неба, к общению с Богом, ко всему, что есть великое, небесное, благое; Он трогает теперь ваше сердце воспоминанием всего радостного о младенчестве Христа, и наконец, Он в эту самую минуту убеждает вас, что я вам говорю правду и раскрываю только вашу собственную жизнь.

Итак, голос, который смущает вас, пугает и привлекает,— это голос Духа Святого. Не говорите же, что Бог вас не предупреждал, не говорите, что Он вас не звал и не свидетельствовал о Себе! Не отрицайте подобным софизмом самые очевидные истины Его милосердия; не приписывайте Богу вину, за которую вы одни ответственны; к неверию не прибавляйте неблагоприятности, и ныне, когда услышите глас Его, не ожесточите сердца ваших (Евр. 3, 15).

Я показал, как Симеон ожидал своего Спасителя и как он уверовал в Него в тот самый день, в который Иисус был принесен к нему. Нам остается рассмотреть, какие чувства пробуждает в его душе чаяние, оправдавшееся верой его:

Радость души, которая блаженствует как бы в объятиях благодати Бога. Радость, которая излилась в этом чудном гимне: «ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром!» Будьте радостны! Пусть ваша радость будет подобна радости Симеона. Что же служит основанием его радости?

Божественный мир: «ныне отпускаешь раба Твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром». А на чем основывается мир этот? На уверенности в спасении: «ибо видели очи мои спасение Твое». Было ли Симеону откровение о том, какой ценой совершенно будет это спасение, я не знаю, но мне видно, по крайней мере из его слов, что он думал тогда об искупительных страданиях, потому что он пророчески возвещает

Марии: «и Тебе Самой оружие пройдет душу» (Лук. 2, 35). Он веровал, согласно пророчествам, что спасение совершенно будет искуплением и что это дало мир душе его. Вот что должно быть основанием и нашей радости! Если открытая перед нами вечность внушает нам только тягостную мысль, если представление суда Божия только смущением и страхом наполняет душу нашу, если утешительные обетования Евангелия с учением о всепрощении не для нас и сердце наше закрыто для голоса этого благовестия, то возможно ли говорить, при всем этом, о мире и радости души? Мир — только в истине; которая одна освободит (Иоан. 8, 32), и эта истина для нас, грешных, только в прощении, когда Сын Божий освободит нас от плена греха и смерти (Иоан. 8, 36; Лук. 4, 18; Ис. 61, 1—2). Если слово это не вмещается в нас, то мы умрем во грехах наших (Иоан. 8: 37, 24, 21). На колени, брат мой, сестра моя, на колени, к ногам нашего Спасителя! На колени, если нужно, со слезами, на колени, с сердцем сокрушенным! И не говорите мне, что я приношу вам печальную весть, потому что вместе со всей церковью я могу вам ответить, что если есть на земле радость великая, неизъяснимая, радость, перед которой бледнеют все радости мира и которая делает нас настолько блаженными, что сами Ангелы радуются за нас, то это именно радость грешника, раскаявшегося и прощенного (Лук. 15, 10).

Пусть же эта радость озаряет все наше существование и пусть окружающие нас, видя свет этой радости, исходящей из глубины кающейся души, чувствуют, что небесный мир снизошел в нас. Евангелие заповедует радоваться и радость делает нашим законом. Кто может оценить нежное, но неотразимое влияние этой святой радости на других! Сколько неверия, ожесточения и озлобления исчезло при ее соприкосновении с холодными сердцами, подобно тому, как оттаивает и согревается от жи-

вительных лучей небесной теплоты ясного утра почва, затвердевшая в морозную ночь!

Будьте радостны, наконец, так, чтобы сладостный покой души вашей не боялся быть нарушенным видом страданий, не боялись бы вы быть встревоженными эгоистично, избегая общения с плачущими и страждущими. Радость христианская открывает сердце, она непрестанно расширяет его, потому что это святое чувство нераздельно с чувством Евангельской любви; одно только ослабляет истинную радость христианина и одно только способствует замиранию ее — это горькое сожаление, что слишком мало мы любим.

Иди же, брат мой и сестра моя, не только навстречу горю и бедствиям, но и к тем, кто оскорбил вас и кого отдаляет от вас чувство недоверия, зависти, пренебрежения или злобы, омрачающее светлое настроение души вашей! Скажите в сердце своем

«И отрёт... слезу»

Положи слезы мои в сосуд у Тебя,—
не в книге ли они Твоей?
Пс. 55, 9

Бог, видящий гибель даже крошечной пылинки, видит, конечно, и наши слезы, отмечая их в «книге Своей!» И нет у нас в жизни такой скорби, в которой Он не принимал бы участия! Он — сострадающий нам Первосвященник наш, всегда помогающий «в немощах наших» (Евр. 4, 15). Как утешительно знать, что, когда мы проходим чрез многоразличные испытания и когда дух наш внутри нас поглощен печалью,— Отец наш Небесный не перестает заботиться о нас, детях Своих! (Пс. 102, 13). На вопль взывающего о сочувствии чада Его неизменно следует ответ Его любви: «Я услышал молитву твою, увидел слезы твои...» (4 Цар. 20, 5).

Из всех слез, проливаемых человеками, наиболее драгоценны слезы сокрушенного и кающегося грешника, как равно и слезы духовной радости в Гос-

пред ними, что видели ныне очи ваши Спасителя (Лук. 2, 30—31) уничтоженным и потому ваше самолюбие сломилось. Пойдите к тем, которые страдают от нужд и бедности, к «труждающимся и тяжело озабоченным, милости Божьей и помощи требующим», и скажите в душе своей пред ними, что видели ныне очи ваши Спасителя, явившегося бедным беспомощным Младенцем, и потому тронулось сердце ваше. Пойдите к огорченным, обиженным, болящим и ко всем многообразно страждущим и поведайте их разбитым сердцам своим нежным, сочувственным голосом, полным любви, что ныне, вместе с пророчеством о мече, пронзающем душу, явлено небом очам всех верующих сердец видение спасения жертвой Искупителя, как откровение великой радости всем людям, которое одно только может поднять, осветить, возродить и утешить — чаением блаженной, вечной утехи! (Лук. 2, 10—11).

поде, в том числе слезы приводящих души ко Христу (Пс. 125, 6). Все эти слезы «положены в сосуд» у Господа и «записаны в Его памятной книге» (Мал. 3, 16). Хорошо кто сказал, что большинство «жемчужин» Божьих,— это кристаллизованные слезы искупленных Его детей.

Однако безынтересно знать, многие ли из слез наших стоят того, чтобы записывать их в «памятную книгу» Божью! Как часто они лишь слезы неосвященного эгоистического и недовольного сердца, слезы плотскости, слезы ропота, слезы гнева и ненависти!.. Содержание того, о чем и почему мы плачем, лучше всего обнаруживает истинный наш характер, как и действительное качество нашей духовности!

Благодарение Богу, что скорби наши не будут длиться вовек! Хотя иногда дает нам Господь «хлеб в горести и воду в нужде» (Ис. 30, 20),— но настанет славный вечный ДЕНЬ, когда любящая десница Его отрет «всякую слезу с очей» и «плача... уже не будет...» (Откр. 21, 4).

Распятие и воскресение

I

Распятие

Мы так привыкли к картинам распятия Христа, что уже не чувствуем его ужаса. Как будто оно происходило только в воображении, как будто распятие было только нарисовано и ко кресту прибавляли гвоздями не живое тело с нервами, жилами и кровью, а только его изображение.

Русский художник Н. Н. Ге был недоволен обычными картинами распятия — от них зритель уходил лишь с умилением; между тем, думал он, надо так изобразить муки Христа, чтобы люди уходили от этого зрелища, раздирая свои сердца.

Крест стал чуть ли не украшением в нашей жизни. Мы почти забыли его потрясающее трагическое значение.

Помню, в тюрьме я посетил человека, осужденного на казнь за многие убийства. У него на груди было татуировкой сделано распятие. На мой вопрос: «Что значит это изображение?» — он не мог ответить, сославшись на свою неграмотность. — «Это у нас просто был такой обычай».

Между тем, возможно иное отношение ко кресту.

Где-то в Африке миссионер проповедовал язычникам. Пока он говорил им о справедливости, о грехе, о Боге — они были равнодушны. Но когда он прочитал им из Евангелия о страданиях Христа, «из глаз дикарей полились слезы» (так он писал в своем воспоминании).

Известно также как сильно переживал страдания Христовы Франциск Ассизский, великий христианин XIII в.

Он простирался на землю, вспоминая о муках Господа. Он как бы переживал со Христом Его раны. И вот от чрезвычайного душевного напряжения кровь выступала у него из кровеносных сосудов и просачивалась наружу — на руках и на ногах.

От частого повторения этих ощущений образовались на этих местах его тела наросты. Эти раны называются в медицине стигматами.

Тот, кто хочет прикоснуться к глубокой тайне креста, пусть подойдет к ней в молчании.

Не в одном молчании уст, которое может сопровождаться криком и ропотом души, но в благоговейном безмолвии, только в его священной тишине можно услышать «Божественную повесть о муках Господа и таинствах любви».

«И неся крест Свой, Он вышел».

Пойдем за Ним на Голгофу и станем там, где распяли Его. Вслушаемся в слова, которые Христос сказал с креста.

Все Евангелие, которое Он возвещал, когда ходил по земле, Он исповедал в смертный час, запечатлев его Своей Кровью. И прежде говорили о Нем, что Он «учил, как власть имеющий». А будучи на кресте. Он увенчал эту власть навеки.

Он учил о любви к врагам: «Любите врагов ваших, молитесь за обижающих вас». И мы считаем этот завет Христа в особенности неосуществимым. Но вот Он, истекая Кровью на кресте, молится за Своих врагов: «Отче, прости им,

ибо не знают, что делают». Он молился и об Израиле, которого мы часто считаем единственным виновником распятия Христа.

Между тем, Господь знал, что они это сделали «по неведению», так как к тому времени уже исказились их понятия о Боге и о Мессии.

Это признал и Апостол Петр в своей проповеди к Иудеям в Иерусалиме: «Впрочем я знаю, братия, что вы, как и начальники ваши, сделали это по неведению» (Д. Ап. 3, 17). Конечно, вина возможна и в неведении, если человек это неведение вызвал сам. Но Христос молился о прощении этой вины. А разве могла Его молитва быть не услышанной?

И не только Христос так любил Своих врагов, но и те, которые последовали за Ним.

Вот Стефан, исповедующий перед синедрионом Иисуса Христа как Господа и Мессию, побивается камнями. Стоя на коленях среди ожесточенной толпы, мученик молится: «Господи, не вмени им греха сего».

Христос принес на землю Евангелие грешникам. И вот теперь рядом с Ним распятый разбойник. Он восклицает ко Христу: «Помяни меня, Господи, когда придешь в Царствие Твое». И сказал ему Иисус: «Истинно говорю тебе: ныне же будешь со Мною в раю».

Один из моих друзей недавно сказал мне: «Из всех моих братьев я наиболее люблю этого разбойника, вошедшего в рай первым: его пример ободряет меня».

Некогда Христос говорил фарисеям: «Мытари и блудницы впереди вас идут в Царство Небесное»; «Я пришел призвать не праведников, но грешников к покаянию»; «Сын Человеческий пришел взъискать и спасти погибшее». И до последнего дыхания Он жаждет спасения грешной человеческой души.

Если мы будем знать и переживать только это крестное Евангелие, которое выражено в словах Христа, сказанных разбойнику, — мы никогда не потеряем веры в Бога, веры в человека, веры в свое спасение.

С этим Евангелием можно идти в мир, лежащий во зле. Я прочитал

тогда в тюрьме эти слова о разбойнике тому русскому смертнику с распятием на груди, и он принял их как чашу утешения.

Христос любил все человечество, и последнего грешника, но не той утопической любовью, которая любит дальних и отвергает ближних.

В своей статье «Светлое Христово Воскресение» Гоголь выражает свое сожаление по поводу того, что человек часто готов обнять все человечество, а в то же время ненавидит ближнего, живущего с ним рядом. Между тем, согласно слову Апостола, — «кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного».

Матерь Иисуса стояла у креста, к которому пригвоздили ее Сына. Стояла с сердцем, пронзенным оружием скорби, как некогда предсказал ей старец Симеон. И тогда «Иисус, увидев Матерь и ученика тут стоящего, которого любил, говорит Матери Своей: Жено! се, сын Твой. Потом говорит ученику: се, Матерь твоя! И с этого времени ученик сей взял Ее к себе».

Это сказал Иисус, когда смертные муки, казалось, должны были заставить Его забыть все.

Представим себе мысленно хотя отчасти всю бездну страданий, которую прошел Христос. Когда начались они? Об этом мы не можем сказать. Ведь Он — «Агнец, закланный от создания мира». Уже сошествие Его на землю, обнищание ради нас, уничтожение, «опустошение» Себя от Божества ради человека — было началом креста. И никогда Он не прибегал к чуду для того, чтобы облегчить Свой крестный путь. Он страдал реально всеми нервами, душой и духом, всем существом.

Он не претворил камни в хлебы — иначе Он не был бы примером для нас, встречающих часто одни голые камни в пустыне этого мира. В ночь взятия под стражу Он не призвал 12 легионов Ангелов. «Других спасал, а Себя не может спасти».

Он страдал телом, когда — сплетши терновый венец — били Его по голове, когда целый полк римских солдат бичевал Его. В таком состоянии, истер-

занный, Он нес крест, в котором было 5—6 пудов веса. Он падал под его тяжестью — и потому заставили «некоего Симона Кириянина» нести его.

Там, на Голгофе, под палачином палестинским солдцем прибавали Его руки и ноги, разрывая ткани гвоздями. На кресте тело Его висело, и Он страдал от так называемого смещения внутренностей. Он пил Свою чашу в полном сознании, не облегчая ее никакими одурманивающими средствами. «И давали Ему пить вино со мирною; но Он не принял».

Но еще тяжелее были Его душевные и духовные муки. Еще в Гефсимании Он падал на землю и, «находясь в борении, прилежнее молился; и был пот Его, как капли крови, падающие на землю».

«Душа Моя скорбит смертельно...»

Он пережил отвержение Своими, теми, к кому Он пришел: «Пришел к Своим, и Свои Его не приняли. Не приняли даже вожди, первосвященники и книжники. Они смеялись над Ним, ударяли Его по ланитам, плевали на Него. «И много хулений произносили против Него». Он молчал, и слова не ответил на насмешки Ирода.

Но пришел момент, когда Он нарушил Свое молчание воплем: «Боже Мой, Боже Мой! для чего Ты Меня оставил!». Бог действительно оставил тогда Человека. Ведь Он висел на кресте как грешник за каждого из нас — хотя «Сам не сделал греха, и не было лжи в устах Его».

Если бы Божеское естество не покинуло Христа, Он бы не умер. Он должен был испить до конца чашу, принятую добровольно.

Никогда, никто из нас не представит себе той бездонной муки, которая объяла тогда Иисуса. Как тяжело быть покинутым Богом всякому человеку, который любит Его! Но Христос, Который сказал о Себе: «Я и Отец — одно», — был покинут Своей собственной Природой, так сказать, Самим Собой...

Напрасно уместующие люди, отвергающие Божественность Христа, силятся услышать в этом вопле Христа Его малодушие...

И столь же неосновательно еще в древности еретики учили, что Христос страдал только «видимо». Смертный вопль, вырвавшийся из глубины реальности крестных мук.

«После того Иисус, зная, что уже все совершилось, да сбудется Писание, говорит: жажду. Тут стоял сосуд, полный уксуса. Воины, напоивши уксусом губку и наложивши на иссоп, поднесли к устам Его... Иисус вкусил уксуса».

«И уксус Тому подают,

Чьи воды живые для мира текут», — поется в русском духовном гимне.

Иные слышат в этом слове «жажду» еще другое, внутреннее томление Христа; Он жаждал спасения человека... С высоты креста Он простирал пронзенными руками объятия всему миру.

«Огонь пришел Я низвесть на землю, и как Я томлюсь, пока сие совершится».

Мы хотим спасения, но лукавый голос отговаривает нас от покаяния, нашептывая сомнение: «Достоин ли ты? Захочет ли Бог принять тебя?»

Но Он для того и пришел, чтобы «взыскать и спасти погибшее». «В том любовь, что не мы возлюбили Бога, но Он возлюбил нас и послал Сына Своего в умилоствление за грехи наши». «Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками».

Он пришел к нам с неба, а не мы к Нему на небо, и нам остается только принять Его призыв. «Приходящего ко Мне не изгоню вон».

И еще одно сомнение, отравляющее мир веры, Он рассеял с высоты Голгофы, сказав: «Совершилось». И вслед за этим словом, в котором Христос выразил завершение Своей искупительной миссии, Он сказал: «Отче, в руки Твои предаю дух Мой».

Даже язычник, римский сотник, стоящий у креста, увидев, что Он, так возгласив, испустил дух, сказал: «Истинно Человек сей был Сын Божий».

Он исшел от Бога и отошел к Богу.

В этом выражается весь идеальный путь нашей жизни, содержащий отве-

ты на два основных вопроса жизни: откуда? куда?

Мы должны родиться от Бога и в час смерти только передать Ему дух, полученный от Него. Смерть — не ужас, а радость, если умирать так, как умер Христос. Такая смерть предстоит каждому, кто может сказать вместе с Апостолом: «Для меня жизнь Христос, а смерть — приобретение».

Так страдал и умирал Христос, Смертными страданиями Он запечатлел Свое Евангелие любви, подтвердил его крестным Евангелием.

С тех пор это Божественное таинство любви стало центром истории, источником вдохновения для искусства, которое пытается сплести мировому Страдальцу венец уже не из колючих терний, а из лучших цветов человеческого творчества.

Гайдн переложил на музыку эти «Семь слов Иисуса».

Васнецов на своей захватывающей картине окружил лик умершего Христа сонмами Ангелов, которые в священном трепете как бы силятся проникнуть в тайны Божественной любви.

Стоя на Голгофе у креста, мы можем научиться тому, как жить и как умирать.

На одной картине с изображением распятия под крестом было написано:

«Я это сделал для тебя,

А что ты сделал для Меня?..»

Христос умер на Голгофе. Умер Тот, Кто есть смысл, Свет мира и его основание; «земля потряслась» и «солнце померкло».

История свидетельствует, что во время этого землетрясения большая часть домов, даже в отдаленной Никее, разрушилась.

А о затмении солнца Тертуллиан говорит, что оно произошло без видимой физической причины, так как это было время еврейской Пасхи, т. е. полнолуние, а между тем тогда «внезапно день исчез среди полудня» (Тертуллиан «Аполония») и «днем... на небе были видны звезды». (Это произошло в 4 году 202 олимпиады; см. исторические свидетельства Флегонта, Евсевия, Тертуллиана.)

Что произошло тогда в большом мире (макрокосмосе), то продолжается теперь в маленьком мире (микрокосмосе) каждого отдельного человека...

Христос — ось мира, по выражению даже скептика Ренана. Он также ось, опора твоей души. Если ось не на месте — ты должен пережить шатание, сомнение, растерянность. И наоборот, «находя Христа, мы находим себя», мы находим твердый якорь, который спущен не внутрь корабля, а в твердое, неизблемое дно Божественной сущности.

Христос — «свет мира». Если свет устраняется или отодвигается на задний план, душа блуждает в потемках и подпадает под «власть тьмы», впадает в «светопомрачение», внутреннее затмение.

Но «кто последует за Мной, тот не будет ходить во тьме, но будет иметь свет жизни», — говорит Христос.

Художник Ге хотел нарисовать «Распятие» таким образом, чтобы зрелище Голгофы потрясло до глубины души. Ни ему и никакому другому художнику это еще не удалось. Но тогда, когда происходило само распятие, был потрясен весь мир, содрогнулись люди и камни. Душа разбойника пережила духовное возрождение. Языческий воин исповедал Христа как Сына Божия. Солнце померкло. «Земля потряслась; и камни расселись; и гробы отверзлись; и многие тела усопших святых воскресли, и, выйдя из гробов по воскресении Его, вошли во святой град и явились многим». Таким образом, потрясение, вызванное Голгофой, коснулось и иного, потустороннего мира. (Новооткрытый фрагмент — отрывок из сочинения Папия Иерапольского, жившего в середине II века, — сообщает, что те, которые воскресли из мертвых во время Христа — жили до времени царствования Адриана, 117 — 138 гг.)

«Завеса в храме раздралась на двое, сверху до низу». Эта завеса преграждала доступ в Святое Святых, где человек имел непосредственное общение с Богом.

В ветхозаветное время туда входил первосвященник один раз в год с жертвенной кровью.

Теперь смерть Христа навсегда разодрала эту завесу — оттого в храмах «царские врата», ведущие в алтарь, остаются открытыми в течение всей пасхальной недели, символизируя врата, ведущие в Царство Божье.

Но действительные «врата Небесные» с тех пор не закрываются и день и ночь уже около двух тысяч лет, ибо рука Божья разодрала завесу сверху до низу, и они не будут закрыты весь этот период, который мы можем назвать «днем человека», так как в это время человеку предоставлена свобода спасения.

Голгофа была поистине всемирным, космическим потрясением. И потому сказано, что «весь народ, спешивший на сие зрелище, видя происходившее, возвращался, бия себя в грудь».

И всякий, кто посмотрит на Голгофу из глубины своего падения, которое пригвоздило Христа ко кресту, тот неизбежно испытает трепет и содрогание.

II

Воскресение

Христос умер...

«Если Христос не воскрес, то тщетна вера ваша», — говорит Апостол в своем письме Коринфской церкви. Если Он умер, то колеблется всякая вера в жизнь не только у верующих, но и у атеистов.

В романе Достоевского «Идиот» один из героев — Рогожин — смотрит на картину Ганса Гольбейна «Снятие со креста». «Глядя на эту картину, — говорит он, — можно веру в Бога потерять».

На картине изображен ужас смерти — лицо позеленевшего трупного цвета, из полукрытых уст виднеются зубы — и как бы несется к небу немой укор...

Другой герой Достоевского, атеист Кирилов (в романе «Бесы»), говорит: «Слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того ве-

рвал, что сказал другому: "Будешь сегодня со Мною в раю". Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдывалось сказанное. Слушай: Этот Человек был Высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем что на ней, без этого Человека — одно сумасшествие. Не было ни прежде, ни после Него такого же и никогда, даже до чуда... В том и чудо, что не было и, не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели Этого, даже Чудо свое же не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глухой насмешке. Стало быть, сами законы планеты — ложь и диаволов водевилей.

Для чего же жить? Отвечай, если ты человек?»

И потому-то тем более поникли духом те, кто верил в Него как в Мессию. Они сидели в безутешной печали в своей горнице, плачущие и рыдающие...

Умерла надежда всего мира. Здесь на земле царствует всепобеждающая тьма и смерть, и мы живем только для кладбища. В этом мире потушены огни...

Но «свет во тьме светит, и тьма не объяла Его». Так возглашается в пасхальную ночь в христианских храмах это победное первоэвангелие о слове жизни, о Логосе...

Христос действительно воскрес.

Существуют разумные доказательства этого факта. Сегодня мы не предполагаем на них подробно останавливаться, лишь упомянем некоторые.

Когда Христос умер, Его тело было положено в гроб, в пещеру Иосифа Аримафейского. К гробовому камню была приложена печать, а у гроба поставлена стража из римских воинов.

Все это предприняли первосвященники и старейшины. Они говорили Пилату: «Господин! мы вспомнили, что обманщик тот, еще будучи в живых, сказал: «после трех дней воскресну»; итак прикажи охранять гроб до третьего дня, чтоб ученики Его, при-

шедши ночью, не украли Его и не сказали народу: "воскрес из мертвых"».

Между тем, на третий день гроб оказался пустым. И тогда первосвященники, «сбовавши со старейшинами и сделавши совещание, довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали (если спали, то не видели; а если видели, то не спали, и тогда — как могли допустить кражу?); и если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его и вас от неприятности избавим. Они, взявши деньги, поступили, как научены были. И пронеслось слово сие между Иудеями до сего дня».

Если бы гроб не был пуст, то всякую ложную проповедь о воскресении Христа первосвященники легко могли бы опровергнуть, показавши и целую печать, и само тело.

Если же гроб был пуст, то: 1) или тело украли ученики, 2) или Его унесли враги, 3) или Христос воскрес. Ученики не могли украсть, ибо гроб охранялся римскими воинами, которые подчинялись железной дисциплине. Такое похищение не имело бы никакого смысла для учеников, у них не могло быть ни энергии, ни желания похищать тело Иисуса, так как они были в панике. Еще тогда, когда Иисуса взяли под стражу, они «все, оставив Его, бежали». Его смерть окончательно повергла их в уныние.

Враги тем более не могли унести Его, потому что опровергнуть воскресение было бы очень легко, показывая тело, лежащее в гробу, а создавая пустой гроб — значит, дать яркое доказательство в пользу воскресения.

Если же тело не унесли ни враги, ни друзья, то остается третье: то есть, Христос действительно воскрес.

Логические умозрительные основания в пользу воскресения подтверждаются следующими историческими фактами.

Некоторое время спустя, после смерти Христа, ученики переживают преобразование, которое иначе нельзя объяснить, как только действительным воскресением Христа.

Мы видели, что они, «оставив Его,

бежали». Они были в унынии, плаче и рыдании. Даже не пошли вместе с мироносицами помазать тело Иисуса ароматами.

А то, что мироносицы в то утро пошли именно с погребальными ароматами, — показывает, что они не ожидали воскресения. «Кто отвалит нам камень от двери гроба?» — говорили они между собой.

Ученики не поверили свидетельству мироносиц. «И показались им слова их пустыми, и не поверили им» (Лук. 24, 11).

Когда Он явился им, они думали, что это дух.

Фома потребовал осязательных доказательств. «Если не увижу на руках Его ран от гвоздей, и не вложу перста моего в раны от гвоздей, и не вложу руки моей в ребра Его, не поверю».

Между тем, вскоре после Его смерти они свидетельствуют о Его воскресении, называют себя очевидцами Его воскресения, Он, Которого они приняли за призрак, ел перед ними.

Фома увидел Его раны и воскликнул: «Господь мой и Бог мой!»

И вот те самые, которые трусливо покинули своего Учителя, спасаясь бегством в ту ночь предательства, и тот самый Петр, который отрекся от Христа, теперь, в день Пятидесятницы, стоят на крыше Иерусалимского дома и проповедуют тысячным толпам — обличают вождей народа в неправде Его убийства и громко свидетельствуют, что Христос воскрес. «Сего Иисуса Бог воскресил, чему все мы свидетели» (Д. Ап. 2, 32).

Свидетельствуют десятки лет, до конца жизни, ценой мученической смерти.

Оставляют свое свидетельство в письменном виде во всех четырех Евангелиях.

И разве не является глава о воскресении торжествующим естественным заключением Евангелия как радостной вести о любви и вечной жизни? И не потому ли изъятие этих глав всегда будет насильственным отторжением, нарушением одного художественного целого, искажаемого «методом ножиц».

Замечательно, что на проповедь воскресения первосвященники отвечают не расследованием или разоблачением

«обмана», но молчанием. Этого же молчания они требуют от учеников, и только. «И призвавши их, приказали им отнюдь не говорить и не учить об имени Иисуса».

Но какая удивительная сила звучит в ответе Петра (трижды отрекшегося тогда) и Иоанна: «Судите, справедливо ли перед Богом — слушать вас более, нежели Бога? Мы не можем не говорить того, что видели и слышали» (Д. Ап. 4, 18—20).

С тех пор всякий, кто нарушит постыдно, равнодушное молчание и добросовестно исследует вопрос, тот узнает неопровержимый и радостный факт Его воскресения.

Замечателен в этом смысле пример Апостола Павла. Ведь он жил во время Христа, он ненавидел христиан, он участвовал в убийстве первого мученика Стефана; он как ученый, интеллигентный и влиятельный еврей, имевший письма от первосвященников с правом арестовывать, казнить христиан, располагал возможностью все проверить, исследовать, разоблачить... хотя бы вопрос об исчезновении тела Христова.

Но он встретил на своем пути в Дамаск Самого Воскресшего — и из гонителя Савла сделался Павлом; по всему миру — от Иерусалима до Испании — он неутомимо провозглашал весть о воскресении Христа и мученически умер за это Христово учение.

Он изложил все основные факты Евангелия в своих посланиях (четыре из них: к Римлянам, 1-е и 2-е к Коринфянам, к Галатам — даже левое крыло отрицательной критики считает произведениями, подлинность которых уже научно удостоверена).

Как объяснить этот переворот в душе Савла, если не было воскресения?

Но самым лучшим доказательством действительности воскресения Христа всегда будет то же основание, которое убедило Савла, т. е. личная встреча с воскресшим Господом.

Эта встреча с живым Христом есть та цель, ради которой мы пришли в этот мир. Без нее наша жизненная задача не может быть осуществлена, и без нее душа и самого лучшего из людей будет плакать у пустого гроба жизни, как пла-

кала Мария Магдалина в то утро: «Унесли Господа моего, и не знаю, где положили Его». Сказав это, она обратилась назад и увидела Иисуса стоящего; но не узнала, что это Иисус. Было еще темно, и слезы застилали ее глаза. «Иисус говорит ей: жено! что ты плачешь? кого ищешь? Она, думая, что это садовник, говорит Ему: господин! если ты вынес Его, скажи мне, где ты положил Его, и я возьму Его. Иисус говорит ей: Мария! Она обратившись говорит Ему: Раввунни! — что значит: "Учитель"».

На этот «тихий зов в предутреннем сумраке», родной и близкий, вся душа ее встрепенулась, осиянная нечаянной радостью...

Так печаль ее искания превратилась в радость.

Она осенит рано или поздно всякого, кто ищет глубоко, усердно, со слезами.

Некогда и в мой темный, опустошенный грехом и сомнением мир, пролилась радость воскресения, хотя и я сначала принял Его только за «садовника». И лишь позже склонился перед Ним как перед Спасителем и Господом. Если бы не было этой встречи в моей жизни в утро моей юности — я не знал бы той радостной вести, которую хочу сказать теперь.

«Христос воскрес!» Не только в храмовом обряде Великой Субботы черные одежды скорби преобразились в светлые солнечные ризы духа; не только в пасхальную ночь должно радоваться ликованию светлой заутрени, всеночным бдением предвещающей грядущий незакатный день; не только в эти дни открыты «царские ворота», ведущие в вечность, и поют малиновым звоном колокола, так что дрожит земля...

Он воскрес — и больше не умирал.

И значит — «кончилось время рыданья — не плачьте».

Распятый, Воскресший и Грядущий — в этом все опоры нашего прошлого, настоящего и будущего. Когда душа смущена тяжестью прошлого, вспоминай о Распятом, взявшем на Себя наши грехи; когда унываешь под бременем настоящего, взирай на Воскресшего, сидящего одесную силы. А тревога о будущем рассеется, как утренний туман, в лучах

Иисуса Христа Грядущего во славе.

Итак, справедливость, любовь и жизнь торжествуют над жизнью, злобой и смертью. Есть для чего жить, страдать и умирать. В Евангелии — все правда, каждое чудо, потому что наибольшее из них действительно осуществилось. Голгофа — не трагическая смерть Героя, а искупительная жертва за грешников. Мы искуплены Кровью Его святой. И теперь мы призываемся следовать заветам Воскресшего. «Радуйтесь... Идите по всему миру и проповедуйте Евангелие всей твари. Кто будет веровать и креститься, спасен будет...»

В этом труде благоговения мы не одиноки и уже никогда не будем оставлены сиротами: «Се, Я с вами во все дни до скончания века». И там, где двое или трое собраны во имя Его, Он реально присутствует, как и обещал (Матф. 18, 20).

Встретивший Его на пути в Дамаск Савл, впоследствии пишет к Евреям: «Он жив... чтобы ходатайствовать за нас». Мы ожидаем «явления Господа нашего Иисуса Христа» (1 Кор. 1, 7).

Воскресение произошло рано, на заре: когда взошло солнце, мироносицы уже не нашли Его во гробе.

Взошло Солнце духовное, незакатное.

Вспыхнул огонь неугасимой вечной жизни. (Русское слово «воскресение» происходит от слова «кресить», высеять огонь; отсюда — кресало.)

Из гроба восстал Воскреситель с тем, чтобы вызвать к жизни тех, кто мертв духовно, кто прозябает в могиле одинокого, унылого, грешного существования.

И весь вопрос для каждого из нас состоит в том, чтобы радость воскресения Христа стала песнью нашей души, чтобы Он сделался Воскресителем каждого из нас.

Нет пути к этой радости помимо Голгофы.

Там, у креста, мы должны пережить полную переоценку себя и Христа.

Среди тех, кто стоял у креста, было три группы людей: одни распинали Его во имя своего самолюбия, своего ума, даже во имя своей религии — это фарисеи, саддукеи, книжники и первосвященники.

Не продолжаем ли и мы проходить

мимо Голгофы, венчая чело Спасителя тернами своего греха или пронзая Божье тело «копьями своего разума», умствуя своим жалким рассудком над великой тайной искупления?

Другая группа — просто зрители. Это те люди, которые думают, как Пилат, сохранить нейтральное отношение ко Христу и «умывают руки». Но, как и Пилат, они в минуту искушения рано или поздно окажутся в числе предающих Его на распятие. Этим подтверждаются Его слова: «Кто не со Мною, тот против Меня; и кто не собирает со Мною, тот расточает» (Матф. 12, 30).

Но есть еще одна группа у креста: это те, которые на стороне Христа. Они, как Мария, Матьер Его, и Иоанн, стоят в безмолвной скорби. Они принимают Его крестную любовь как непостижимую тайну. Они исповедуют свой грех перед Ним: «Помяни меня, Господи, когда придешь в царствие Твое». Они поклоняются Его страданиям и потом радуются Его воскресению.

С вершины Голгофы от подножия креста они идут в этот земной мир с одним желанием: «жить для Умершего за них и Воскресшего». Идут «участвовать в страданиях Христа», разделить Его мучничество, чтобы участвовать потом в Его славе.

«Вчера я до утра читал божественную повесть

О муках Господа и таинствах любви,

И негодующая совесть терзала

помыслы мои:

Чего мы ждем еще? Какого

откровенья?

Зачем же прячем мы под маскою

сомненья клеймо порока?»

(Львов)

Ждать ли нам иного, более благоприятного дня или более зрелого возраста?

Не лучше ли в утро юности принести ароматы своей души Тому, Кто отдал Себя за каждого из нас?

«Я это сделал для тебя,

А что ты сделал для Меня?»

Поэтому — согласно апостольскому зову — «встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос».

В. Ф. МАРЦИНКОВСКИЙ

Иуда Искарriot

После долгой и горячей молитвы Господь избрал из числа Своих учеников 12 Апостолов (Лук. 6, 12–13), между которыми Иуда Искарriot всегда упоминается последним. Три года Господь учил и воспитывал Иуду вместе с другими учениками. Он был свидетелем великих дел Христа и вместе со всеми получил драгоценные обетования: «Истинно говорю вам, что вы, последовавшие за Мною... сядете... на двенадцати престолах» (Матф. 19, 28). Иуда также был послан проповедовать Евангелие со властью, исцелять больных и изгонять бесов (Матф. 10, 1–4).

Никто из Апостолов не предполагал, что Иуда способен к неверности, хотя Господь с самого начала видел его насквозь и открыто называл его дьяволом (Иоан. 6, 70).

Ложь, лицемерие и большое искусство притворяться являются самой глубокой причиной жестокосердия Иуды.

Он был среди слушателей, когда Христос говорил такие слова: «Верный в малом и во многом верен... если вы в неправедном богатстве не были верны, кто поверит вам истинное?.. Не можете служить Богу и маммоне... где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Лук. 16, 10–13; Матф. 6, 18–26).

Господь как великий Сердцеведец, еще и еще стучал в сердце Иуды и призывал его к исповеданию.

Иисус может и хочет разрушить всякую цепь греха. Нам же нужно быть искренними, иметь желание освободиться от греха и принести его к Богу. Если мы правдивы и откровенны, то благодать найдет дверь к сердцу, совесть будет

освещена Богом, мы будем обличены во грехе и преклонимся с покаянием пред Тем, Кто понес на себе весь наш грех с его цепями и проклятием. Бог неоднократно стучит в сердце грешника, чтобы привести его к свету, и кто слушает голос Его и разрешает освободить свою волю от власти сатаны, благодать в том сердце восторгается.

Иуда отказался от этого, и чем больше благодать Божья призывала его к покаянию, тем сознательнее он сопротивлялся. Он высокомерно скрывал свое сребролюбие. Слова Господа: «Нет ничего сокровенного, что не открылось бы, и тайного, чего не узнали бы» должны были бы пройти как меч сквозь сердце Иуды, но он не хотел открывать своего тайного греха.

Во всей Библии не найдется более убедительной проповеди, чем гибель Иуды, чтобы предостеречь и просить людей: открывать свои тайные грехи. Иисус торжествует в сердцах искренних! Чем бы вы ни были связаны: сребролюбием, ненавистью, ложью, честолюбием или плотской похотью — Господь может исцелить и полностью освободить вас, необходимо только откровенно и решительно во всем этом признаться перед Господом и церковью. Иуда не открыл Христу запинающего греха.

Сребролюбие — весьма опасный грех, потому что это — идолопоклонство (Еф. 5, 5). Этот грех чаще всего прикрывают христианской добродетелью. Радоваться золоту и серебру больше, чем вечному Богу, Творцу и Христу Спасителю, надеяться на мертвые деньги больше, чем на живого Бога, — какое мерзкое идолопоклонство!

Иуду, склонного к воровству и сребролюбию, Господь сделал кассиром. Почему? Потому что для человека, плененного этим грехом, нет лучшей школы показать всю отвратительность сребролюбия, как дать возможность ежедневно соприкасаться с ним.

На глазах Иуды Бог рукой любящих и богобоязненных людей наполнял денежный ящик. Он видел, как Иисус послал Петра с удочкой и тот поймал рыбу, во рту которой был найден статир. Иуда вместе с учениками раздавал мно-

жеству голодного народа хлеб и рыбу во время великого насыщения в пустыне. Он считал корзины с оставшимися кусками и все-таки не покаялся в своем грехе, не просил Христа освободить его от воровства.

В его присутствии Мария, желая почтить Господа, принесла жертву любви, которую Иуда тут же оценил в триста динариев. Он рассердился на такую расточительность и хотел, чтобы эти деньги Мария положила в его ящик. Для него деньги дороже, нежели честь и слава Господа.

Как часто «теплые» верующие сердятся на искренних детей Божьих, упрекая их в чрезмерной, как они говорят, «ревности не по рассуждению».

Скрытый от людей, но не от Христа, грех стяжательства все плотнее и плотнее сжимал душу Иуды. Как это должно настораживать каждого из нас, чтобы не оставаться надолго ни в каком сознательном грехе!

Христос запретил Иуде упрекать Марию в расточительности (Иоан. 12, 7) и, вероятно, за этот выговор Иуда сильно оскорбился, так что после этого пошел и предложил предательские услуги первосвященникам. Писание умалчивает о том, что произошло в его сердце и почему он принял такое решение.

В большинстве случаев сатана доводит людей до окончательного падения через мысль. Как только грешнику понравился план сатаны и он заинтересовался картинами, которые дьявол рисует в его уме, то человек этот уже вступил на путь греха. Грешник, рассуждающий мысленно будь то о прелюбодеянии, обмане, убийстве, уже связан миром своих мыслей и не видит своих поступков в свете Слова Божия. Дьявол, будучи отцом лжи, все дела преподносит человеку в привлекательном виде, осторожно. Незаметно мысль прибавляется к мысли, вычисление к вычислению и план готов раньше, чем грешник успел это осознать. Наступает момент, и сатана ловко посылает случай, чтобы осуществить злое дело.

Сразу же после омовения ног Христос сказал: «Ядущий со Мною хлеб поднял на Меня пята свою». Это было новое

увещание и предупреждение Иуде и ясный намек на то, что Христос знает о намерениях Иуды, но он не торопился с покаянием. Иисус, видя эту беспечность, возмутился духом и сказал: «Истинно, истинно говорю вам, что один из вас предаст Меня». Все ученики стали озираться и в испуге спрашивали: «Не я ли?». Иоанн, припав к груди Иисуса, спросил: «Кто это?».

«Тот, кому Я, обмакнув кусок хлеба, подам,— ответил ему Иисус.— Но лучше бы этому человеку не родиться».

Кажется, земля должна гореть под ногами Иуды. Он разоблачен окончательно перед всеми. Горько рыдать остается ему и каяться в прахе, пока еще есть возможность. Что же медлит еще он? Но вместо покаяния он задает ужасно лицемерный вопрос: «Не я ли?».

— Ты сказал,— ответил Христос. Не сомневайся в этом, Иуда, грех твой доведет тебя до предательства Спасителя людей, и ты отлично знаешь, о чем уже договорился с первосвященниками.

Обличенный перед всеми, Иуда стоял перед последним решением: покаяться или нет, но и этой последней драгоценной возможностью он не хочет воспользоваться. Если присоединить к этим обличительным словам всю ту любовь, с которой Христос старался протянуть ему руку помощи, то любому человеку становится понятно, что небесное милосердие трудилось до последнего момента над этим упорным грешником. Когда же последний зов любви и благодати был грубо отвергнут, сатана совершенно овладел Иудой. Сколько воистину Божественной любви было явлено врагу Христову!

Иуда вышел, и была ночь (Иоан. 13, 30) не только в природе, но и в душе Иуды наступала вечная ночь погибели, которую веками не осветит ни одна звезда надежды, ни единый луч света.

Иуда стал предводителем большого отряда вооруженных воинов, которые, услышав ответ Господа: «Это я», — отступили назад и пали на землю, но Иуда не испугался и, приблизившись, поцеловал Христа.

«Иуда, целованием ли предаешь Сына Человеческого? Друг, для чего ты

пришел?» — эти последние слова Спасителя все еще полны милосердия и нет в них даже намека проклятия для несчастного предателя.

Для человека, в бесстыдстве своем падшего даже ниже скота, все же есть надежда на спасение (1 Кор. 6, 9—11), но для того, кто отверг последнее увещание благодати и сознательно уклонился от спасающей руки Иисуса и не захотел быть спасенным, остается мрак адской тьмы навеки.

Когда Иисус был связан и осужден, к Иуде пришло безнадежное отчаяние: «Согрешил я, предав Кровь невинную».

— Что нам до того? Смотри сам! — подул он жестокий ответ. Дьявол, чего хотел — достиг, а ты мирись теперь сам со своей совестью!

Горе тому человеку, у которого нет больше убежища в благодати. Лучше бы ему не родиться. Огонь угрызений совести, загоревшийся в нем с ужасной силой еще при жизни, привел его к самоубийству, но это было лишь началом вечных мук.

Как ужасно будет в вечности положение тех, кто имел по благодати Божьей столько преимуществ! Иуда ежедневно имел чудесную возможность получить спасение, но гордо пренебрег этим. Благодать Божья таким дивным образом добывалась спасения этого грешника, но он сам не захотел, сам повернулся спиной к Спасителю.

Предполагают, что Иуда был из колена Дана (Быт. 49, 17; Втор. 33, 22).

В свете исполнившихся пророчеств, какое потрясающее впечатление производит 108 Псалом Давида, в котором тоже, как предполагают, речь идет об Иуде. Он позволяет заглянуть глубоко в душу Иуды и открывает нам, насколько ужасен мир его мыслей:

«Поставь над ним нечестивого, и дьявол да станет одесную его...

молитва его да будет в грех;

да будут дни его кратки, и достоинство его да возьмет другой.

...да истребит Он память их на земле, за то, что он не думал оказывать милость, но преследовал человека бедного и нищего и сокрушенного сердцем, чтобы умертвить его.

Возлюбил проклятие,— оно и придет на него;

не восхотел благословения,— оно и удалится от него.

Да облечется проклятием, как ризою, и да войдет оно, как вода, во внутренность его и, как елей, в кости его.

Да будет оно ему, как одежда, в которую он одевается, и как пояс, которым всегда опоясывается» (ст. 6—8; 15—19).

Какая ужасная кончина постигла человека, которого искала любовь Божья, чтобы он занимал место между Апостолами Агнца, имена которых будут написаны на основаниях стен Небесного Иерусалима!

Бог с неизреченной любовью зовет людей к Себе, узами любви влечет всех, кто позволяет вести себя, но миллионы людей испускают ужасно гордый крик: «Не хотим служить Тебе!» (Иер. 2, 31). Все бесстыднее и дерзче поднимают голову враги Божьи. Власть дьявола над людьми заметно возрастает. И для Церкви Христовой в это время особенно важно сохранить себя от этого ужасного греха предательства. Если сатана нашел вход еще в первый круг учеников Христовых, то в наши дни он действует в сильной ярости, проникая в каждую общину и даже семью.

Петр говорит об Иуде, что он был «вождем тех, которые взяли Иисуса». Он вел отряд с фонарями и оружием в Гефсиманию.

Но нет ли сегодня и среди Церкви Божьей вождей и наставников, у которых есть намерение с силой и враждой мира взять в плен Церковь Божью и отворотить ее от прямого следования за Иисусом и от подчинения только Слову Его?!

Есть такие лжебратья (Гал. 2, 4), обманчивые работники и фальшивые апостолы (2 Кор. 11, 13—15), есть лжепророки (Матф. 24, 11).

Одиннадцать учеников не могли распознать Иуду, они считали его верным. Весьма печально, но и сегодня народу Божьему не достает дара различия, чтобы испытывать духов и освобождаться от предательской связи с миром.

В. Л. ЖАК

Когда темница превращается во дворец

Слово Божье говорит: «Если злословят вас за имя Христово, то вы блаженны, ибо Дух славы, Дух Божий почивает на вас: теми Он хулится, а вами прославляется» (1 Петр. 4, 14).

Дорогие братья и сестры! Пусть эти слова послужат сегодня ободрением для тех, кто переносит трудности и лишения за верность Господу. Пусть Сам Господь еще более утвердит вас на пути, чтобы, взирая на вашу жизнь, многие не знающие Христа, обратились к Нему и приняли Его как своего личного Спасителя.

Очень часто, можно сказать, обыкновенно, положившись верой на обетования Божья сегодня,— завтра мы ждем уже его исполнения. Но в жизни нередко все идет наоборот. Мы рассчитывали на успех,— а утро принесло новые осложнения; мы не видим даже малейшего признака, что обетование, на которое мы положились, исполнится. На сердце становится тяжело и пусто. Именно в такое время приходит дьявол и шепчет: «Это обетование для верных, а ты огорчаешь Бога, потому оно не исполнится...» И начинается борьба между верой и неверием. Не случилось ли подобного с тобой? Ты думал, что обетование уже на пути к тебе и вот-вот исполнится. Но, между тем, обстоятельства ухудшились настолько, что ты потерял всякую надежду, и тебе кажется, что обетование уже исполниться не может.

Но, мой друг, знай: если есть что-то, что не может измениться, то это — Божьи обетования. «Если мы неверны, то Он остается верным»,— говорит Слово Божье.

Если твои испытания увеличились и мрак вокруг тебя сгустился, ободрись! Бог знает твои обстоятельства и в это самое время продолжает исполнять данное тебе обетование. Правда, Он не дает тебе видеть признаков этого, но это для того, чтобы ты взирал не на обстоятельства, а только на Него. Когда Его намерения будут исполнены и ты, невзирая на трудности, будешь славить Господа, тогда случится то, что Он обещал тебе. Его ответ превзойдет все твои ожидания и мечты! Тогда ты обнаружишь, что ухудшение твоего состояния и обстоятельств оказалось первым этапом твоего избавления.

Наша беда в том, что исполнение Божьих обетований мы относим на время, установленное нами же. Более того, мы отваживаемся указывать Богу как и через кого Он должен исполнить его. Но милостив наш Бог! В самый темный момент испытания Он приходит к нам не с упреком, а со словами ободрения, что Он исполнит Свое обещание.

Одна сестра вспоминает о том, как она была уверена, что Господь сохранит ее на свободе, но вместо этого — неожиданный арест. Ее закрывают в камере. Камера малюсенькая. В первые минуты у нее было такое ощущение, что в камере совершенно нет воздуха. В душе заключенной сестры смятение, сознание тревожит только одна мысль: «Почему? Господи, почему? Почему я арестована?» Ее охватывает чувство недоумения и даже чуть не обиды. Но самое мучительное чувство — сомнение в любви Божьей по отношению к ней. Она чувствовала себя брошенной на

произвол судьбы. Она стала ходить по камере от одного угла до другого. На стенах нацарапаны грубые ругательства, всевозможные надписи. Кто написал свое имя и дату ареста, кто шлет проклятие судьям, кто прокликает жизнь. Три шага вперед, три — назад. Время от времени сестра бросает беглый взгляд на надписи. Вдруг ее взгляд падает на четкую надпись, и она останавливается пораженной. Черным карандашом аккуратно выведены слова: «Пути Господни неисследимы».

— Да ведь это ответ на мои «почему?»,— воскликнула она от радости.

«Так в самые тяжелые моменты моей жизни,— вспоминает сестра,— Господь посылал мне Свое утешение. Позднее, не раз,— продолжает она,— когда уныние посещало меня, я вспоминала слова, написанные на стене моей камеры как будто специально для меня».

Да, они были написаны специально для нее!

В подобный момент жизни Ап. Павла, возможно, в темнейший ее час, Господь явился слуге Своему тоже в темничной камере. Об этом мы читаем в 23 гл. Деяний Апостолов: «В следующую ночь Господь, явившись ему, сказал: "дерзай, Павел; ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме!"» (ст. 11).

Постараемся, дорогие мои, мысленно войти в темничную камеру Ап. Павла, чтобы понять его переживания в ту темную ночь. Безусловно, он вспоминал поражение прошедшего дня, когда он пришел в Иерусалим засвидетельствовать своим братьям иудеям о Спасителе, Мессии, Иисусе Христе. Как они приняли его? С беспощадным презрением и грубостью, с жестокими побоями и намерением убить его.

Ап. Павел был уверен, что если ему предоставится возможность говорить людям, то он их убедит и они поймут, что Иисус Христос воистину их Мессия и Спаситель мира.

«Я по влечению Духа иду в Иерусалим, правда, не зная, что там встретится со мной,— говорит он,— только Дух Святой по всем городам свидетельствует, говоря, что узы и скорби ждут меня». Он вполне сознавал, что будут препятствия, будет

оппозиция, возможно, сопротивление, но тем не менее, Ап. Павел думал, что кто-нибудь да примет его весть. Но, увы, иудеи все как один восстали против Павла. И только по милости Божьей через вмешательство римского офицера жизнь его была спасена.

Некоторые утверждают, что Ап. Павел поступил неправильно. Ему, мол, следовало вообще не идти в Иерусалим. Ведь он достаточно имел предупреждений, что его ожидают узы и многие страдания. Зачем было ему идти прямо в пасть львам?

Но так ли было в действительности? Ошибся ли Павел? В прощальном слове старшим братьям Ефесской церкви он говорил, что по влечению Духа Святого идет в Иерусалим, что этим он совершает поприще свое и исполняет служение, которое принял от Самого Господа Иисуса Христа, что он должен проповедовать Евангелие благодати Божьей всем людям.

Когда Ап. Павел прибыл в Тир, тамошние ученики, как сказано, по вдохновению от Духа говорили Павлу, чтобы он не ходил в Иерусалим. Оставивши Тир и прибыв в Кесарию, в дом благовестника Филиппа, некий пророк, по имени Агав, взяв пояс Павла и связав себе руки и ноги, сказал: «Так говорит Дух Святой: мужа, чей этот пояс, так свяжут в Иерусалиме Иудеи и предадут в руки язычников». Позже все сотрудники его, включая Филиппа и Луку, стали уговаривать его, чтобы он не шел в Иерусалим. И как ответил он им? «Что вы делаете? что плачете и сокрушаете сердце мое? я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса».

И вот Павел в Иерусалиме в тюрьме. Иудеи, к которым он пришел с благой вестью, как стая волков, собрались за тюремными стенами, чтобы растерзать Павла. Несомненно, это была темная ночь для Ап. Павла. «Может быть, я действительно ошибся,— мог думать он.— Может быть, Дух Святой, предупреждая меня об ожидающих страданиях в Иерусалиме, хотел сказать, чтобы я вообще не шел туда?..»

В такие темные часы враг терзает душу мучительными сомнениями и страхом: «Правильно ли я поступил? А может

быть, нужно было сделать иначе? Не огорчил ли я Духа Святого и теперь расплачиваюсь за свое упорство?..»

Но благодарение Господу, что Бог, знающий помышления и намерения сердечные, не оставляет в такой момент Своих детей, и как Он явился в темнице Павлу и ободрил его, так Он послал слово утешения сестре в камере, которое было написано карандашом на каменной стене.

— Дерзай, Павел, не бойся,— сказал ему Господь,— ибо как ты свидетельствовал о Мне в Иерусалиме, так надлежит тебе свидетельствовать и в Риме. Павел, ты не ошибся! Ты — свидетельствовал о Мне в Иерусалиме. Ты правильно делал, не бойся ничего!

Павел пламенел любовью к своему народу. «Истину говорю вам во Христе,— пишет он в послании к Римлянам,— не лгу, свидетельствую тебе в Духе Святом, что великая для меня печаль и непрестанное мучение сердцу моему: я желал бы сам быть отлученным от Христа за братьев моих». «Что вы делаете? — говорит он тем, которые пророчествовали ему не идти в Иерусалим. — Что плачете и сокрушаете сердце мое?» «Почему вы гибаете сердце мое?» — так звучит это место в подлиннике. «Я принял это служение от Самого Господа. Это мое поприще, и я намерен пройти его, а вы отговариваете меня от его совершения». После этого они ему сказали: «Да будет воля Господня».

Но как тут понять все пророчества и предупреждения об ожидающих его узах и страданиях в Иерусалиме? Разве они были неверны? Верны, конечно! Но те, кто пророчествовали, по-своему истолковывали значение их. Да и сам Павел говорил, что Дух Святой предупреждал его, что узы и скорби ждут его по всем городам. Но Дух Святой не говорил ему, чтобы он туда не шел. Это добавили его друзья, жалея его, чтобы он не погиб. Павел же отвечал им: «Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса».

В ту ночь в тюремной камере враг, как никогда, пытался сломить сомнением или страхом этого верного слугу Божьего: «Смотри, вот ты пришел в Иерусалим. И что? Тебя приняли? Покаялась

хотя одна душа? А тебя теперь ожидает смерть. Стоит тебе только выйти, и ты будешь растерзан на куски. А ты должен еще идти в Рим. Все испорчено и — по твоей вине. Следовало бы тебе прислушаться к "доброму совету"».

Да, это был темнейший час в жизни Ап. Павла! Но наш чудный Господь пришел к нему со словами ободрения и утешения: «Дерзай, не бойся, Павел! Ты будешь свидетельствовать обо Мне и в Риме!»

Благодарение Господу, Он испытывает нашу веру и никогда не оставляет нас на произвол судьбы. В часы страха и уныния Он Своим присутствием приносит ободрение, и тогда тюрьмы делаются дворцами, темные ночи — временем для пения и прославления Господа.

Павел утешился словом Господним, и теперь его ничего не смущает. Против него составлен разговор, но он спокоен. Он был одинок, никто из Иерусалимской церкви не пытался его выручить или даже защитить. Но с ним был Господь, а где Господь — там нет одиночества, там всегда прекрасно.

Когда Петр был в темнице, было назначено всенощное молитвенное собрание. Но нигде не сказано, чтобы такое молитвенное собрание было назначено по случаю ареста Ап. Павла. Церковь молчала, ни один голос не был поднят, чтобы его спасти. По крайней мере, нигде об этом не написано.

Но у Павла нашелся один друг. Это был офицер римской армии по имени Клавдий Лисий, он и помог Павлу. Да, странных «ангелов» иногда посылает Господь нам в час нужды. Мы думаем, что Господь нас выручит каким-нибудь необыкновенным путем, чудом, не иначе.

Апостола Петра Господь освободил из темницы чудом, послал Ангела Своего. Большой свет озарил его, двери темницы сами отворились, узы спали с рук и ног, и Петр оказался на свободе.

Да и Апостол Павел мог вспомнить, как вдруг в полночь произошло великое землетрясение, так что поколебалось основание темницы и двери тоже отворились и узы ослабели.

Но в этот раз нет ни великого света, ни Ангела, ни землетрясения, все — тихо. Апостол Павел получил только слово

ободрения: «Дерзай, не бойся!» О возлюбленные, этого достаточно! Если Бог обещал, то какая нам разница как и когда Он исполнит Свое слово?! Предоставим Ему все!

Да, в этот раз Господь послал другого «ангела» — мальчика, сына сестры Павла. Он, услышав о заговоре, сообщил об этом намерении врагов Павлу, и тот был спасен. В этом естественном избавлении мы видим сверхъестественное. Для чада Божия все делается сверхъестественно, ибо ему все содействует ко благу, — говорит слово Божье. Бог контролирует нашу жизнь!

Мой друг! Это Господь побудил тебя остаться дома и не пойти туда, куда ты намеревался; от Господа было письмо, которое ты вчера получил. И в данном случае с Павлом Господь послал мальчика и он услышал о заговоре.

В Ветхом Завете в книге Есфирь мы читаем такую фразу: «В ту ночь Господь отнял сон у царя». Переводчики добавили слово «Господь», в подлиннике его нет. Во всей книге Есфирь вообще нет слова «Бог» или «Господь». И тем не менее, всюду видим действие Его руки. Да, переводчики правы, в ту ночь у царя отнял сон не кто иной, как недремлющий Бог. И вот, чтобы как-то развлечься, ночью, царь зовет слуг и приказывает принести государственные архивы и прочесть их. И они прочли историю о Мардохее. И вот эта обыкновенная бессонница спасла не только жизнь Мардохея, но и всего еврейского народа. Маленькое, незначительное явление, но с Богом оно делается сверхъестественным.

Мой друг! Слово, которое сегодня Господь положил мне на сердце сказать, адресовано тебе. Ты обескуражен обстоятельствами, ты как бы в заключении, вокруг тебя все так мрачно и безнадежно и ты думаешь, что нет выхода из твоих затруднений. Мой друг! Это неправда! Бог всемогущ, а мы ограничены и не можем уразуметь Его планов. Он испытывает нашу веру. Начни славить и благодарить Его сейчас, когда над тобой собрались мрачные тучи. Господь — твой Творец, и как говорит Слово Божье, Он дает песни в ночи, и тогда твоя темница превращается в дворец.

* * *

«Возлюбленные! огненного искушения, для испытания вам посылаемого, не чуждайтесь, как приключения для вас странного, но как вы участвуете в Христовых страданиях, радуйтесь...»

Сколько стоило тебе твое обращение к Господу? Да, некоторые из вас заплатили за это образованием, другие — службой, а некоторые до того оштрафованы, что дошли до отчаяния, а многие заплатили за это многолетними страданиями в узах. Вы последовали за Христом, вы приняли Слово при многих скорбях, но зато вы на опыте узнали радость Господню. Есть ли большая награда, чем Божья радость в скорбях и страданиях?! Радость, которую дает Сам Дух Святой. Это Божье вознаграждение за гонение. «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда на небесах».

Быть может, эти строки прочтет тот, кто несет поношение за Иисуса Христа. Дорогие братья и сестры, ваши слезы и узы не напрасны. Вы, Богом возлюбленные, «стали образцом для всех верующих и во всяком месте прошла слава о вере вашей в Бога, так что нам ни о чем не нужно рассказывать», — как некогда писал Апостол Павел гонимой церкви в Фессалониках. Ваш пример приносит плод, он ободряет детей Божьих и призывает более ревностно служить Господу и самоотверженно следовать за Ним. «Радуйтесь и веселитесь, ибо велика ваша награда».

Дорогой друг, еще не признавший Христа, прими Его сейчас! Нет такого грешника, которого Господь не был готов принять, простить и спасти. Ибо мы имеем Такого Ходатая, Который, подобно нам, был искушен во всем, кроме греха, и поэтому может нам сострадать в немощах наших. Вот почему ты можешь с дерзновением приступить к престолу благодати и получить милость и обрести благодать от Него. Приди к Нему сейчас и не откладывай больше спасения своей души. Пусть Господь поможет тебе это сделать сейчас.

Я. Н. ПЕЙСТИ

Зависть

Очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святыню в страхе Божиим.

2 Кор. 7, 1

Сорок дней в стане Израильском царит уныние и страх. Филистимляне глумятся и поносят войско Господне. Никто не отважится положить этому конец. Сам царь оробел и не хотел рисковать жизнью ради Бога.

Но вот один юноша сразил в единоборстве хулителя Голиафа и возвратился с победой. Народ ликовал, отовсюду слышалось пение. До слуха царя донеслось восклицание игравших на тимпанах женщин: «Саул победил тысячи, а Давид — десятки тысяч!» (1 Цар. 18, 7).

Эти слова как ножом пронзили Саула. Горькое чувство досады вскипело в его сердце. Его ранило пение, но никто этого не заметил.

Саул! Ведь во имя Бога Израилева Давид одержал победу, а не во имя свое! Слава принадлежит Тому, Кто ее дал, а не тебе и Давиду!

Но «Саул сильно огорчился, и неприятно было ему это слово» (стих 8). Как могли о нем, царе, сказать хуже, чем о каком-то пастухе?! Внешне негодование Саула не проявилось никак, он даже не приказал прекратить такие песни. Нет, внешне он выглядел благополучно, а внутренний его человек, душа его, стала уже разлагаться.

Есть скверны плоти, их легко распознать. Это: пьянство, блуд, ругательства и прочее. Человек, пораженный ими, жестоко страдает, и для окружающих его порок очевиден.

А вот скверны духа обнаружить куда сложнее, потому что внешне они часто не проявляются. Пороки эти уничтожают человека исподволь, незаметно, и, что самое страшное, — чаще всего сам человек не подозревает о том, что сердце его уже давно поражено этой опасной проказой греха.

Зависть, проникая в душу, усыпляет совесть. И если не противостать ей, то сначала она заставит считать сучки в глазах ближних, а потом, выделяя смертоносный яд, отравит душу подозрительностью и горечью ревнивых мыслей и обид. Как на дрожжах поднимется пухлое «я» и возьмет под контроль всю жизнь, жестоко притесняя все доброе в душе. Глаза станут кривыми стеклами, в которых искажается абсолютно все. Сердце наполнится возмущением, а язык станет произносить укоры, как это случилось с Аароном и Мариамью, которые упрекали кротчайшего на земле человека — Моисея.

Но ужасней всего, пожалуй, то, что эта, с первого взгляда незаметная, скверна доводит до предательства и убийства. Из зависти предан был Христос (Матф. 27, 18), брошены в темницу Апостолы (Д. Ап. 5, 17).

Так случилось и с Саулом. Горький корень зависти возник в его сердце, но он не поспешил его вырвать. «С того дня и потом подозрительно смотрел Саул на Давида» (ст. 9). Чтобы рассеять мрачное настроение, он приглашает Давида играть на арфе. Давид поет, а Саул бросает в него копье. Давид два раза уклонился от него. Уязвленное самолюбие толкает Саула еще глубже в бездну, он стал гоняться за Давидом, чтобы уничтожить его, «потому что Господь был с ним, а от Саула отступил».

«Саул, что тебя гонит в поле? Почему ты оставил царские покои и спишь в пещере, как последний разбойник? Ты отказался от царского трона, колесниц, слуг. Зачем тебе такая жизнь?»

«О, я не могу быть спокоен до тех пор, пока жив тот, о котором говорят лучше, чем обо мне».

КАК МЫ ЖИЛИ И ТРУДИЛИСЬ

(Из воспоминаний жены В. Ф. Марцинковского*)

«Саул! Благодарю Бога, что есть в твоём царстве такие бесстрашные юноши. Вспомни, как 40 дней бесчестилось имя Бога Израилева и ни ты, ни один из воинов не возревновали о Боге и не вышли на поединок с великаном. Это сделал вот этот молодой человек, которого ты так ненавидишь. Ну, что с того, что о нем так пели женщины? Саул, не обрати внимания на эту мелочь».

Теперь, когда зависть переросла в ненависть и завладела сердцем царя, когда он столько усилий предпринял, чтобы поймать и убить Давида, нелегко Саулу остановиться и изменить свое отношение к Давиду.

А ведь когда-то все началось с огорчения и маленькой досады. Появился в сердце помазанника Божия комочек зависти и стал расти и превратился постепенно в снежный ком, который, оторвавшись от скалы, покатился с головокруглительной высоты и увлек за собой лавину, а она-то и снесла на своем пути все то доброе и святое, что было в душе некогда застенчивого Саула, и в итоге привела к гибели.

Грех легко победить, когда он только зарождается в мыслях, когда он еще не успел пустить корни в сердце. Путь к победе — осознать грех, назвать его своим именем, исповедать.

У Саула не было сознания вины и исповедания, поэтому скверна духа разрослась и уничтожила его.

«Зависть — гниль для костей» (Пр. 14, 30), и копь она появилась и ее терпят, то она разрастется и погубит.

Как чувствуем себя мы, когда о наших друзьях говорят лучше, чем о нас? Какое у нас настроение, когда мы длительное время остаемся в тени и нас никто не замечает? Спокойны ли мы, когда на окружающих не производим никакого впечатления, а они с каждым днем все больше узнают наши слабые стороны?

Как мы относимся к обличению?

Это один из Божественных методов обнаружить наши недостатки. Выслушав обличение, прими его, проверь свое состояние, и, возможно, ты обнаружишь зарождающуюся скверну. Не огорчайся, что о тебе отозвались так неодобрительно. Ты ведь знаешь, что можешь поступать хуже, только этого пока не заметили.

Бог взвешивает сердца на весах правосудия. Он видит тех, кто проповедует из зависти (Фил. 1, 15), жертвует из тщеславия (Лук. 18, 12). Бог один может дать действительную оценку нашего состояния. Не станем рассуждать, что есть люди и похуже нас... Верно, есть. Но даже малая скверна может постепенно подтачивать наши духовные силы, и горе придет неожиданно, погибнет душа от малой скверны. «Итак, очистим себя от всякой скверны плоти и духа, совершая святуюню в страхе Божию», — призывает Апостол Павел.

Интересно, почему тогда стихом выше — 2 Кор. 6, 18 — он упоминает об обетовании: «И буду вам Отцом, и вы будете Моими сынами и дочерьями»? Мы будем Его детьми только в том случае, если выполним требующееся от нас: очистим себя от всякой скверны плоти и духа. Со Своей стороны Господь непременно исполнит обещанное, ибо «у Бога не останется бессильным никакое слово» (Лук. 1, 37). Дело только в нас.

Или вот еще одно обетование: «Побеждающему дам сесть со Мною на престоле Моем» (Откр. 3, 21). Мы обязательно будем сидеть на престоле рядом с Иисусом, но при условии, если будем побеждающими.

Дорогие друзья! Если мы не позаботимся об очищении себя от всякой скверны плоти и духа, — нет нам части в обетованиях Божьих. Не будем обманываться: ничто нечистое туда не войдет (Откр. 21, 27).

М. И. ХОРЕВ

Первые десять лет нашей супружеской жизни мы очень много путешествовали. Нам приходили приглашения почти со всей Европы. Верующие, приглашая нас, обычно предупреждали, что все дорожные расходы они охотно покроют. И мы с радостью выезжали в далекие от Палестины страны. Во время этих путешествий мой муж проповедовал в церквях, выступал с лекциями на религиозные темы в разных организациях. Я же, главным образом, занималась в воскресных школах.

Помню, мы прибыли в местечко Дермань, на Вольны, бывшей тогда, как и вся Западная Украина, под владением Польши. Мой муж говорит мне:

— Ты соберешь здешних детей в воскресную школу и займешься с ними.

— Как же я могу это сделать? Ведь я едва по-русски говорю. Как я буду разговаривать с украинскими детьми?

— Ты об этом не беспокойся, — ответил муж, — говори спокойно по-русски, а потом научишься и украинскому языку.

Я послушала этого совета и, действительно, вскоре начала оживленную работу с детьми. Наряду с объяснением Слова Божьего я учила девочек шить и вязать. Мой муж был очень доволен.

Для него не было в работе непреодолимых трудностей. Он считал, что, если в духовном труде нужно что-то сделать, то оно будет сделано. При этом он всегда подчеркивал: «Господь поможет!». И Господь нам действительно чудесно помогал.

В Дермани была наша «главная квартира». Оттуда поездом или на лошадях мы

выезжали в украинские и белорусские города и села.

Памятным осталось одно такое путешествие ночью... Дождь лил как из ведра. Повозка еле продвигалась вперед. Вдруг — стоп! Стали. Что случилось? Наш извозчик Володько объявляет: «Мы загрузили в болоте. Надо встать с воза». Встаем прямо в воду, а вокруг непроглядная тьма. Извозчик выводит нас из болота, а сам делает жгуты из соломы и подкладывает под колеса. Наконец, после его героических усилий, повозка освобождается из глинистого болота, мы садимся, и поездка в Здолбуново продолжается.

При такой «прогулке» под ливневым дождем или в жестокую пургу, часто в темную ночь, добирались мы в назначенное место вымученные, изнуренные и способные только к одному: упасть на скамейку и уснуть мертвым сном... Но зачастую отдохнуть нам не удавалось. Братья радостно нам говорили, что в такой-то хате или в молитвенном доме идет полным ходом богослужение и сотни верующих ожидают нашего прибытия. «Это не так далеко, за полчаса дойдем туда пешком», — убеждали нас братья. И так, вместо отдыха и сна идем дальше.

Уже издали видим освещенные окна молитвенного дома, слышим сильные и радостные звуки украинских голосов. Поют так, что эхо льется над селом. Молитвенный дом переполнен. Люди в проходах, на окнах, — всюду слушатели... Около дома на холоде стоит толпа, слушающая Слово Божье через открытые окна.

Мы с трудом протискиваемся через эту толпу в дом, вперед. Мужа сразу приглашают за стол или за кафедру. Смотрю на него и удивляюсь: куда делись его

* В. Ф. Марцинковский в 1923 г. был выслан из России за религиозную деятельность.

утомление и усталость? Их словно ветер унес. Открывает Библию и начинает проповедовать. Мужчины, женщины, молодежь и дети — все с напряжением не слушают, нет, они просто пьют Воду Жизни, вечное Слово Господне!

И это продолжается час, два, три... Ни говорящих, ни слушатели не проявляют и признаков усталости.

Теперь, когда я пишу мои воспоминания, моего мужа нет здесь, но давно прошедшее, словно на экране, встает перед моими глазами. В последние годы своей жизни здесь, в Израиле, он часто говорил мне: «Ах, как бы я хотел еще раз проповедовать к тем искренним, открытым душам!» Но этому желанию не суждено было сбыться. В последнее время, перед уходом к Всевышнему, он мог проповедовать лишь по радио.

Незабываемой осталась для меня одна поездка из Варшавы в Брест, где мой муж выступал с чтением публичных религиозных лекций. Казалось, что его оставили силы, сердце очень ослабело, и он выглядел полуживым. На станции встретил нас брат Л. Дзекуць-Малей. Я пыталась наспех объяснить ему состояние здоровья моего мужа, но он только рукой махнул: «Не беспокойтесь, дорогая сестра! Мы все собрались сюда для того, чтобы служить Господу. И Господь даст вашему мужу необходимые силы. Эти три дня мы должны наилучшим образом использовать для славы Божьей: нам придется трудиться от раннего утра до поздней ночи.

Моя жена позаботится, чтобы вы имели хорошую пищу. Сейчас мы пойдем в гимназию, где брат Марцинковский будет говорить к молодежи, а завтра утром все наши братья сойдутся на молитву и мы будем просить Господа, чтобы Он дал сил вашему мужу! Господь поможет!». Так утешал меня брат Дзекуць-Малей.

И как вы думаете? Помог ли Господь Бог? Да, действительно помог, и еще как!

В течение трех дней мой муж говорил ежедневно почти без перерыва с девяти часов утра и до девяти вечера! За это время были только короткие перерывы для обеда, а также когда добрый брат Гутше заменял моего мужа и когда я говорила к детям. В эти дни мой муж чувство-

вал себя и выглядел лучше, нежели до прибытия в Брест.

Вспоминается мне еще подобный случай, в Бельгии, куда мы приехали летом 1962 года. Мой муж чувствовал себя плохо. Вместе с нами в пансионате находилась сестра У., специально прибывшая из Австрии, чтобы увидеть моего мужа. Эта сестра по профессии врач. В тот вечер я позвала ее к больному мужу. Она проверила его пульс: пульс был слабый и исчезающий. Я высказала ей свою тревогу: «Завтра в городе Х. состоится конференция, на которую приглашен мой муж. Будьте добры, скажите ему, что он не должен туда ехать». Она ответила: «Пульс такой слабый, что сердце в любой момент может остановиться. Но если брат верит, что должен ехать на конференцию, то пусть во имя Господне едет!» Что делать? Я согласилась, и утром следующего дня мы выехали, хотя состояние больного не улучшилось. Ехали мы в переполненном автобусе часа два. В продолжение конференции муж был бледный, и я ожидала каждую минуту, что он лишится чувств. Вечером возвратились в пансионат. Я снова позвала врача, «Пульс нормальный», — радостно сказала она.

Первые десять лет нашей супружеской жизни — это было действительно чудесное время! Трудясь в разъездах в течение года, мы на следующий год оставались в Палестине, где муж не переставал совершать свое служение. Все время он в сопровождении брата О. — одного христианина из Кишинева, — ездил и ходил пешком. Сумка и карманы его всегда были полны религиозной литературы. Они ходили от одного поселения к другому, распространяя литературу, беседуя с новыми поселенцами, читая рефераты и лекции для неверующих...

* * *

Города и селения на горе Кармил и в окрестностях, где когда-то ходил и действовал пророк Илия, разрастаются и расстраиваются. На юг от этой горы лежит дорога, по которой провозжали в последний путь моего дорогого мужа. С западной стороны горы видны необозримые просторы Средиземного моря, по

которому непрестанно плывут корабли во все страны мира. И мысли мои плывут вслед за ними туда, далеко, к Черному морю, туда, на север, где лежат города, села и хутора, в которых мы когда-то с такой радостью и вдохновением трудились для нашего Господа Спасителя...

Прошли навсегда те счастливые времена, как и все в этом мире проходит. И сам этот мир когда-то пройдет...

Но одно не пройдет, это — Слово Господне. Ибо сказано так: «Небо и земля прейдут, но слова Мои не прейдут» (Матф. 24, 35).

На снимке: В. Ф. Марцинковский и его жена Н. Марцинковская.

В центре — Софья Ливен. Ее мать, княгиня Ливен, уверовав в Господа во время духовного пробуждения в Петербурге, предоставляла свой дом для молитвенных собраний. В дни преследований, когда руководители евангельского движения — В. А. Пашков и М. М. Корф — были высланы за границу, к княгине Ливен царь Александр III послал своего генерал-адъютанта, который доложил ей: «Его Императорское Величество желает, чтобы собрания в Вашем доме прекратились, так как они не желательны». На это она ответила: «Спросите у Его Императорского Величества, кого мне больше слушаться — Бога или Государя?» На этот своеобразный и смелый вопрос ответа не последовало. Позднее стало известно, будто царь Александр III сказал: «Она вдова, оставьте ее в покое». Итак, собрания продолжались дальше в ее доме.

*«Господь —
Пастырь мой;
я ни в чем
не буду
нуждаться:
Он покоит
меня
на златных
пажитях
и водит
меня
к водам
тихим,
подкрепляет
душу мою,
направляет
меня
на стези
правды
ради
имени
Своего.»*

Рожден в горниле

*Ты хорошо сделал, что пришёл...
Д. Ап. 10, 33*

Девочка-десятиклассница, член церкви, придя домой в пятницу с собрания, торопилась сообщить новость:

— Папа, если бы ты видел, какой журнал пришел — «Вестник истины»! Это — просто чудо!

— Да?! Какой он? Наша типография отпечатала? — осыпал ее вопросами отец.

— Наше издательство! Шесть экземпляров пришло на нашу общину.

В этот вечер мы долго разговаривали и радовались новой милости Господа в нашем братстве. А в воскресенье все вечернее собрание было посвящено журналу, впервые отпечатанному типографским способом.

— Дорогие друзья! — обратился проповедник к собранию. — Наше братство переживает особую радость: вышел первый печатный номер журнала «Вестник истины». Он рожден в горниле страданий и гонений народа Божьего, ставшего в проломе Церкви Христовой.

Некоторые говорят, что нам нужна только Библия и больше ничего. Это неверное понятие. Христос заповедал Своим ученикам: проповедовать Евангелие по всему миру (Марк. 16, 15). Исполненному Он повелел: «...иди домой к своим и расскажи им, что сотворил с тобою Господь...» (Марк. 5, 19). В древнее время сыны Израилевы «читали из книги, из закона Божия внятно, и присоединяли толкование...» (Неем. 8, 8). И журнал «Вестник истины» проповедует нам Христа распятого, сообщает сколько благ явил Господь любящим Его, присоединяет толкование жизненно-важных истин Священного Писания. Примем его близко к сердцу.

На лицевой стороне обложки журнала слова: «Благодать и истина произошли чрез Иисуса Христа» (Иоан. 1, 17). На внутренней стороне — молитва Господня «Отче наш». Я прочитаю ее сейчас, — сказал служитель, — слушать будем стоя.

В благоговейном молчании слушало собрание священную молитву Господа Иисуса Христа.

После этого молодежный хор исполнил гимн:

Жить для Иисуса, с Ним умирать —

Лучшую долю можно ль желать?

Стоит смиряться, стоит бороться,

Стоит за это жизнь всю отдать!

Затем брат прочитал пояснение редакции, пе-

страданий

речислил разделы, имеющиеся в журнале.

— К сожалению, мы сегодня не сможем прочесть всего, — продолжал служитель, — познакомимся только с некоторыми статьями.

Затем все прослушали призыв редакции — «Любящим истину» и рассказ «Обгорелый листок». У слушающих — на глазах слезы умиления...

— Вот раздел «Молитесь о них», — пояснил брат, — мы видим здесь на черном фоне — символе гонений и страданий — молитвенно сложенные руки, а ниже — фотографии братьев: Г. П. Винса, Н. Г. Батурина, П. В. Румачика. Здесь они молодые, красивые, а теперь одежда на них — арестантская. И это ради великого дела Евангелия! Это ради нас, чтобы мы вот здесь собирались и молились, прославляя Господа. Будем помнить в наших молитвах об этих братьях!

В заключение со вниманием выслушали текст письма Г. П. Винса из лагеря и его стихотворение «Вера».

Растроганные, с умиленными сердцами все склоняются на колени. К небесам льется поток горячих молитв благодарения за высокое служение братьев, за издание журнала «Вестник истины». Возносятся моления о страждущих, о Совете церквей, о Совете родственников узников, о подвизающихся в издательстве «Христианин». Призываются благословения Божьи на сотрудников журнала «Вестник истины». Многие выражают готовность отдать все на алтарь служения Господу.

«Вестник истины» — это наш журнал! Это — наш благословенный вестник! Он так нужен! Это — дело Божье!

Вспоминаются строки из стихотворения:

Я ждал тебя во дни, когда молчали
святых борцов поникшие уста,
молился Богу я в тоске, печали,
чтоб ты пришел к нам с вестью про Христа.

В беседах с братьями мы говорили,
надеялись, что ты придешь опять.
Мы на коленях Господа молили,
чтоб ты пришел нас Словом ободрять.

И ты пришел к нам как посланник неба,
журнал наш «Вестник истины» святой.
Так раздавай ты людям больше Хлеба
и напои Живительной Водой.

*Если я
пойду и
долиною
смертной
тени,
не убоюсь
зла,
потому что
Ты со мною;
Твой жезл
и Твой посох —
они
успокаивают
меня...
Так, благодать
и милость да
сопровождают
меня
во все дни
жизни
моей...»*

(Из 22 Псалма)

МОЛИТЕСЬ О НИХ

Еф. 6, 18

Дорогие братья и сестры в Господе нашем! Многие из вас знают, что наши родные по Крови Иисуса Христа друзья общины г. Омска в течение многих лет подвергаются жестоким преследованиям.

Мы не можем не разделять их скорбей и испытаний. По личному опыту, а главное, из Слова Божьего мы знаем, как важна здесь взаимная помощь, ходатайства и особенно взаимные молитвы.

В своих последних заявлениях, направ-

ленных как в официальные организации, так и христианам всего мира, Омская церковь описывает лишь часть того, что им приходится переживать, отстаивая истину Христову.

Мы приводим в сокращении эти два заявления и глубоко верим, что каждый брат и каждая сестра приобщится сердцем к переживаниям и скорбям наших друзей и примет сердечное участие в молитвах к Тому, Кто силен послать им помощь и защиту (Лук. 18, 8).

Мы, верующие евангельские христиане-баптисты г. Омска, вновь ставим всех в известность о непрекращающихся репрессиях над верующими нашего города...

10 апреля 1977 г. верующие вновь собрались для проведения торжественного пасхального богослужения по адресу: 1-я Ремесленная, 43 у сестры Елены Зюзя. Вскоре в дом вошли три сотрудника милиции и человек в штатском и потребовали немедленно прекратить служения... Верующие, конечно, выполнить эти требования не могли, ибо они имели непреодолимое желание прославить Бога и имели на это гражданское право, закрепленное за ними, как гражданами СССР, — «Декларацией прав человека», «Конвенцией», «Актом Хельсинского соглашения» и др. документами, подписанными нашим правительством и обязательными для исполнения...

Вскоре представители власти зашли в ограду, посоветовались; минут через 15—20 во двор вошли еще человек 20—25 сотрудников милиции, дружинников, от некоторых из них пахло спиртным. Все они прибыли на милицейских машинах во главе с человеком в штатском. Все они направились в дом и без всяких разговоров начали хватать стоящих и молящихся в дверях верующих и выкидывать на улицу.

Человек в штатском дал указание взять брата Савченко Н. Р., Терехова Ю. М., Поюнова Ф. П. и других братьев, находящихся в другом конце комнаты. И вот вся эта армия «блуждителей порядка» набросилась на беззащитных людей. Хватали без разбора всех, не щадя ни старцев, ни стариц; крутили руки, срывали платки, толкали кулаками в спины. Начали бросать скамейки на пол, вытаскивать во двор. Поднялся крик, вопли, многие плакали. Седые растрепанные волосы сестер мелькали среди серых мундиров. Вытащив основную массу верующих, милиция подступила к углу, где находились братья и молодежь. Дети и жены ухватились за своих отцов, которые уже отбыли срок заключения, а некоторые и не по одному разу. Они хорошо знали что такое милиция, они прекрасно знали, что их отцы не возвращались домой по 3 — 5 лет, когда их сажали в милицейские машины, поэтому они готовы были вместе со своими мужьями, отцами идти вместе на смерть. Но сотрудники безжалостно приближались к их отцам. Дети поблдедели, в их глазах появился ужас, по щекам катились слезы. Они, рыдая, кричали: «Не дадим папу!». Эти крики, детские вопли были слышны; они рвали душу, раздирали сердце, но только не сердца милиционеров, ибо мужчина в штатском дал указание «братъ». И вот эти детские руки отрывали от

отцов сильные руки сотрудников и отшвыривали в стороны, один из пришедших, желая скрыть происходящее, стал кричать: «Выходите, горит дом!»...

Во время этой дикой расправы верующие неоднократно требовали у представителей власти предъявить документы личности и документы, дающие право так действовать, но получили категорический отказ и ответ, что они имеют свои законы, по которым они действуют и во всем правы. Человек в штатском назвал себя Ивановым и сказал, что узнают его верующие лучше тогда, когда встретятся с ним в другом месте, давая им понять, что за этой расправой последуют вызовы и допросы. В течение всего времени разгона слышны были злобные выкрики милиционеров и дружинников: «Вас нужно всех выгнать из нашей страны, вы — враги наши», «вас не нужно кормить», «вам не нужно давать работы», «гнать вас всех вон отсюда», «всех вас пора передумать», чтобы вы детей не совращали, вы мешаете нам жить», «за вас нет ни одного закона» и много других оскорблений и угроз.

Нам власти говорят: в нашей стране за веру не судят, у нас свобода совести, свобода вероисповедания. Но эту «свободу» мы уже долгое время испытываем во всей ее реальность:

С 1963 года по 1977 г. в нашей общине, составляющей немногим более 100 человек, происходило следующее:

1. 21 человека судили на различные сроки лишения свободы. Четверо из них повторно...

Если добавить, что узники были лишены своего единственного утешения — Библии и что вследствие продолжавшихся репрессий их часто помещали в штрафные изоляторы, то мы только приоткроем завесу их обстоятельств...

Эту «свободу» испытали 46 несовершеннолетних детей, скорбя об отсутствии их отцов. Детей узников в это время усиленно натравливали против их родителей, черня последних как врагов современного общества. А чтобы это было наглядно, атеисты соорудили стенд в областном музее, на котором были помещены фотографии наших братьев и комментарии их деятельности...

2. 7 человек были осуждены на ссылки.

3. 24 человека, некоторые из них многократно, были осуждены на короткие сроки ареста (5—15 суток).

4. 16 человек были осуждены на принудительные работы сроком на 4—6 месяцев, с вычетом из заработка в среднем 20%.

5. По неполным данным произведено 46 обысков с изъятием множества духовной литературы, в частности, Библий.

6. 42 человека... были оштрафованы, а некоторые многократно, в среднем по 50 рублей, что составляет общую сумму — 3420 рублей.

7. Многие верующие нашей общины повестками вызывались на допросы в прокуратуру, а в случае неявки, приводились принудительно...

Накануне совещания в Хельсинки гонения на малое время утихли, даже было срочно освобождено из мест заключения сравнительно небольшое число узников, но в то же время большинство осталось в узах. Так у нас в Омске из 8 человек освободились только 2 человека.

Ну а сейчас гонения начинают набирать прежний темп...

Также мы не можем умолчать о том, что и в районах Омской области наблюдаются подобные беззакония: репрессии, гонения. Вот имена узников, арестованных в различных местах области: Дирксен Я. Ф., Тевс И. Ф., Эннс Я. Я., Андриан П. Г.

...Каждый раз при встрече с властями нам предлагают регистрацию нашей общины. Однако условия регистрации нами не выполнимы, так как они заключаются в исполнении требований противоречащего евангельскому учению законодательства о религиозных культах...

Просим всех... принять участие в наших скорбях, как написано в 1 Послании Фессалоникийцам 5 глава 25 стих.

Братья, молитесь о нас!

О пережитом...

(Из рассказа члена СЦ ЕХБ П. В. Румачика)

Рано утром 21 февраля 1974 года раздался в квартире звонок. Открыли дверь. На пороге стояли представители органов в штатском и один в милицеейской форме. Предъявили санкцию на обыск: изъять литературу, призывающую к несоблюдению советского законодательства о культах и другие вещественные доказательства. Обыск шел около десяти часов. Всевозможной аппаратурой прослушивали стены, просвечивали некоторые вещи, фотографировали разные уголки квартиры. Изъяли «Братские листки», журнал «Вестник спасения», Библию и другую духовную литературу.

После обыска мне предложили следовать в милицию, я отказался. Тогда подогнали машину и меня силой втолкнули и отвезли в милицию. Там уже стояла голубая «Волга»; меня пересадили в нее и привезли в районное отделение милиции, где водворили в КПЗ.

На второй день мне отдали некоторые изъятые вещи: деньги, ремень, и в сопровождении двух сотрудников КГБ, которые не назвали ни своего имени, ни фамилии, меня посадили в черную «Волгу» и повезли в сторону Москвы. Они предупредили, чтобы по дороге я не вздумал разговаривать, петь или совершить побег. По окружной дороге выехали на Величавское шоссе Белорусского направления и оказались у здания Одинцовской прокуратуры. Там уже был старший следователь Беляев. Его полубольного (у него был сильный вывих ноги) тоже привезли в прокуратуру, чтобы он оформил санкцию на мой арест.

Затем меня посадили в КПЗ в одиночную камеру. Если в тюрьме выдают матрац и кормят горячим, то в КПЗ — нары без всякого матраца, сплошные доски, и очень редко дают горячую пищу.

Жара, камеры переполнены, воздух прокурен и верующему человеку среди курящих очень тяжело. Это меня очень изнурило: идешь к следователю — голова тяжелая, сосредоточиться трудно.

Во время ареста я взял из дому Библию и сборник духовных песен, но я не пользовался ими. Их всегда изымали и они лежали в каптерке, а мне выдавали на них квитанцию. Жаловался я на это даже Генеральному прокурору, но разрешения также не получил. Когда я был в одной из московских тюрем (их там четыре), администрация и кое-кто из обслуживающего персонала узнали, что у меня есть Библия, и некоторые даже просили разрешения почитать. Я, конечно, разрешал, все равно она лежала на складе.

В один из сентябрьских дней прибыл адвокат и доложил, что ему поручено защищать меня на процессе.

— Где будет суд? — поинтересовался я в первую очередь.

— В Орехово-Зуево.

Я удивился и не поверил:

— Может быть, вы не поняли?

— Может быть, — засомневался и он, — но все же, очевидно, там...

Орехово-Зуево — это на границе с Владимирской областью, в противоположной стороне от места моего жительства.

— Вы член партии? — уточнил я у защитника.

— Да.

— Верите ли вы в Бога?

— Нет. Но я постараюсь чем-то помочь вам...

— Хорошо. Если вы будете защищать меня справедливо, по велению совести, тогда пожалуйста. Вы ознакомились с делом? — продолжал я расспрашивать адвоката. — Находите ли вы меня виновным?

Он замялся, прямо не отвечал, и я понял, что он не сможет меня защищать по совести, от сердца.

— Если Господу будет угодно, — сказал я ему, — то я буду осуществлять за-

щиту сам. Безвинному не в чем защищаться!

26 сентября меня в сопровождении конвоя в «воронке» привезли в город Орехово-Зуево. Суд шел в небольшой комнате на втором этаже, куда вела единственная лестница. Суд был открытый, но охрана, стоящая у лестницы, не допускала, можно сказать, никого. Аудитория суда была тщательно подготовлена и подобрана.

В здании суда я увидел жену. К ней подошел начальник конвоя и стал спрашивать кто она такая. Она отрекомендовалась. Он попытался проверить содержимое ее сумочки. Она отказалась. Дело дошло до того, что жену чуть было не удалили из зала суда.

Объявили состав суда. Спросили: доверяю ли я суду и есть ли какие ходатайства?

— Я могу доверить суду только в том случае, — сказал я, — если суд будет осуществлять правосудие, а не расправу.

— «Судья лишь тот, кто Богу сам покорен», — привел я слова Пушкина. — Если вы верите в Бога — я доверяю рассматривать мое дело, если же не верите, в таком случае — не доверяю.

Судьи пришли в какое-то замешательство и стали переговариваться.

— Ну, так все же, вы доверяете суду или нет? — после некоторого молчания спросили меня.

— Я уже сказал, а теперь решайте вы. — Какие у вас есть ходатайства? — перешли они к другому вопросу.

Несмотря на то, что я отказался от адвоката, он все равно присутствовал на суде.

— Я отказываюсь от защитника и прошу рассматривать мое дело по месту жительства, в Дедовске.

Суд отклонил мою просьбу.

— Во-вторых, я не ознакомился с экспертизой, которую осуществили Гаркавенко и Лялина. Следователь меня обманул и не выслал ее.

— Сколько вам понадобится для этого времени? Суток достаточно?

— Я не уложусь в это время. Камера многолюдная, теснота, шум... Суток четверо-пятеро будет достаточно.

Мою просьбу удовлетворили и через

пять дней меня снова привезли на суд.

Суд длился несколько дней. Верующих не допускали; родственников — и то с большим трудом. Всех обыскивали.

Свидетелей на суде было мало: в основном — депутаты, сотрудники милиции: рядовые и в звании.

В один из дней, вернувшись из суда, я остался один на один с солдатом, конвоирующим меня, и тот спросил: «Почему у вас на суде так много сотрудников КГБ?»

— Откуда я знаю, почему их здесь столько? И вообще, я не знаю: есть они или нет.

— Вся задняя скамейка заполнена ими, — пояснил он.

— Может, ты знаешь, почему они здесь?

Он пожал плечами и ничего не сказал.

Во время суда на душе у меня было очень легко, потому что Бог, Которому я вверил свою судьбу, помогал мне. Спаситель мой был со мной. Пребывая в посте, я молился как о себе, так и о судьях и о конвоирах. Душа моя была раскрыта, я готов был обнять и простить всех ненавидящих меня.

Обвиняли меня в том, что наша община не зарегистрирована, что я воспитывал молодежь и несовершеннолетних в религиозном духе и что якобы я распространял литературу, призывающую к несоблюдению советского законодательства о культах.

— Мы не против регистрации, — говорил я, — но считаем, что любая община должна быть зарегистрирована на принципах невмешательства органов власти во внутрицерковные дела, что предусмотрено и нашей Конституцией, и Декретом об отделении церкви от государства. (Кстати, к этому времени наша община была зарегистрирована. Когда я напомнил об этом позже, то мне один из сотрудников сказал: «Это потому, что там отсутствовал такой элемент, как ты!»). — Что касается воспитания молодежи и детей в религиозном духе, то Христос учил тому, чтобы мы не препятствовали детям приходить к Нему. И по закону я имею право частным порядком воспитывать детей в том убеждении, которое исповедую сам, — ответил я на второй пункт обвинения.

По третьему пункту обвинения я дал пояснение, что литературы, призывающей к несоблюдению советских законов, у меня изъято не было. Литература, изъятая в моем доме, чисто религиозного содержания.

Суд не мог доказать мою виновность, но несмотря на это, меня лишили свободы на 3 года лагерей строгого режима.

Так я оказался заключенным, получившим срок без вины, но только за то, что я — христианин, что верю! И верю Господу, верю Его истинным словам, что Он придет скоро на эту землю и воздаст каждому по делам.

После суда я около двух месяцев ожидал копию приговора, чтобы отослать кассационную жалобу, но Верховный суд РСФСР оставил приговор без изменения. И я пошел по этапным тюрьмам. Сначала в московскую, затем в Уфу.

В дороге обычно выдают селедку или кильку, ну, и хлеб. Естественно, после этого людям очень хочется пить, но воду дают не всегда. В обыкновенное «купе» набивают иногда 15, а то и больше, человек. Жара, накурено, воды нет... очень тяжело.

В уфимской тюрьме было не легко. Когда я первый раз отведал там хлеба, мне казалось, что его специально валяли по полу, черный, как земля, и песок трещал на зубах. Суп приготовлен скверно: ни одной жиринки. Там я пробыл около двух недель.

Еще в можайской тюрьме у меня заболела голова, это было отмечено в медкнижке, но она загадочно исчезла, и меня этапировали на лесоповал в тавдинский лагерь строгого режима («И»—299).

В этом лагере я отбывал предыдущий срок заключения. Полубольной, я еле добрался до Тавды. Мне было невыносимо тяжело, но на душе тяжести не было.

Пока я скитался по тюрьмам, прошел почти год. Переписки за это время я не имел ни с женой, ни с родственниками.

— Ну, снова прибыл за религиозные убеждения? — сразу спросил меня заместитель начальника колонии по политической части майор Мацак. Здесь же стояли офицеры, около пятнадцати, многие из них меня знали по прошлому

сроку. — Как ты думаешь себя вести?

— Нормально.

— Ну, в смысле молитвы, религиозной пропаганды?

Я ответил:

— Статья 142, по которой я сужден, всегда дает людям повод для расспросов. Даже если бы я не желал беседовать с людьми о Боге, то они вынуждают меня рассказать что же это за статья.

— Если ты и в этот раз будешь открыто молиться,— угрожал Мацак,— мы возбудим на тебя новое уголовное дело по статье 77 Уголовного кодекса и дадим новый лагерный срок, плюс к тому, который у тебя есть.

— Как я верил, так и буду верить Богу,— ответил я на это. — Я обязан открыто исповедовать имя моего Бога, Которому верю, моего Спасителя. Молитва — это неотъемлемая часть исповедания веры христианина.

Я думал, что за такой откровенный разговор меня сразу отправят на лесоповал, но они решили мне польстить и послали работать в вещевую каптерку. Позже они постоянно меня упрекали этим: «Вот у тебя легкая работа...» Они рассчитывали, что я пойду в попятную: не стану молиться, только бы остаться на этой работе.

За «непокорность» оперуполномоченные Быков и Филин несколько раз предупреждали и угрожали, но я всегда отвечал, что остаюсь верным своему Господу и как служил Ему, так и буду служить.

Спустя некоторое время меня пригласил на беседу другой сотрудник оперчасти. Он сказал, что в колонии совершено убийство и задал мне вопрос: «Как вы смотрите на это?» Я ответил: «Никакого убийства я никогда не одобрял и считаю, что совершивший его обязательно понесет наказание».

Он воспользовался этим и говорит: «И я так считаю! Мы сейчас ведем расследование и никак не можем найти убийцу. Вы не могли бы нам в этом помочь? Вы же сказали, что он должен нести наказание! Человек этот может находиться в вашей бригаде. Вы можете, не подавая виду, в беседе уточнить некоторые детали и передать нам».

— Заведите с подозреваемым человеком какие-либо контакты,— просил он меня,— помогите нам.

Я отказался вторично. Тогда он заинтересовался моей семьей. Узнав, что скоро ко мне должна приехать на свидание жена, он предложил: «Если хотите, я могу помочь, чтобы вам дали трехсуточное свидание без вывода на работу». Я ничего не ответил, и мы расстались.

Приехала жена. Мне дали трое суток, но с выводом на работу. Я пошел к замначальнику по режиму Бедулеву и спросил: «Почему с выводом на работу?» Он был в каком-то замешательстве. Чувствуется, что у них был разговор с этим оперативным работником. «Не могу я,— ответил Бедулев. — Если бы было ходатайство...»

— Я пойду к начальнику отряда.

— Это бесполезно. Если бы о вас ходатайствовали из штаба, тогда можно изменить резолюцию.

— У меня есть один заработанный день, а завтра — выходной нашей бригаде. Подпишите хотя два дня свидания без вывода на работу,— просил я Бедулева.

Он долго не соглашался, но потом подписал.

Кончились два дня свидания без вывода на работу. И вот в понедельник рано утром я пошел на работу. Проходя мимо штаба, я заметил, что по тротуару прохаживается оперативный работник, предлагавший мне услуги в свидании. Он явно поджидал меня. Поравнявшись, я поздоровался.

— Кончилось свидание?

— Нет. Остались последние сутки с выводом на работу.

— Пойдемте в кабинет, побеседуем,— пригласил он меня.

Немного поговорили, он взял трубку и звонит дежурному по комнате свиданий, чтобы мне разрешили третьи сутки без вывода. А мне сказал, чтобы написал заявление начальнику колонии. Я написал. Он наложил резолюцию, и я пошел на вахту. Подаю заявление дежурному, тот, увидев резолюцию оперативного работника, возмутился: «Да ведь он не имеет права разрешать свидания!» И тут же стал звонить на

квартиру Бедулеву. Тот не возражал.

Я хорошо понял, что тому оперативному работнику не нужен был случай с убийцей. Ему необходимо было поставить меня в зависимость, чтобы я, воспользовавшись их услугами, потом в знак благодарности исполнял все их просьбы. Этим он хотел завербовать меня для работы в среде народа Божьего.

После свидания я передал жене обвинительное заключение, копию приговора и копию кассационной жалобы. При выходе ее обыскали в присутствии человека в штатском. Взяли эти бумаги и Евангелие, которое она брала из дома в дорогу.

Через час после обыска жены меня пригласили в штаб и потребовали написать объяснительную: что я передал жене. Писать я отказался. Меня арестовали и посадили на двое суток в ШИЗО*.

Вскоре меня снова вызвал тот же оперативный работник и уже стал требовать, чтобы я дал письменное согласие на сотрудничество.

— Чему бы это меня обязывало? — спросил я. — Помочь вам найти убийцу и все?

— Нет. Это обязывало бы вас большему. Я бы дал вам инструкции и конкретные вопросы, по которым нам нужна информация. Кроме того, я бы уже имел право требовать от вас помощи в том или ином деле.

Я категорически отказался. С тех пор он больше меня не вызывал, но сразу же после этого меня сняли с работы, объясняя это тем, что в каптерке должны работать инвалиды. Однако после меня, я наблюдал, там работали три человека и никто из них не имел инвалидности.

Так начались репрессии, которые мне обещал эксперт Гаркавенко сразу после суда. Однажды (это было вскоре после Хельсинского совещания), вызывает меня майор Мацак и в доверительном таком тоне говорит: «Если ты не будешь молиться и не будешь беседовать с заключенными о Боге, то я гарантирую тебе условно-досрочное освобождение».

— Меня не освободят досрочно, пото-

* Шизо — штрафной изолятор.

му что я виновным себя не признаю,— ответил я».

— Я тебе даю гарантию, только не мось!

«Может быть,— подумал я,— дух Хельсинского соглашения начал свое действие на лагерь и на начальствующих в нашей стране?» Но я в этом жестоко обманулся. Ничего подобного не было. В отношении верующих они по-прежнему не думали поступать справедливо.

Я не подавал надежд на исправление и был помещен в графу трудноисполнимых.

— По какой причине? — поинтересовался я у начальника отряда.

— Очевидно, за убеждения,— ответил он.

— Скажите, по чьей инициативе это сделано? — настаивал я.

— По инициативе штабных работников. Политчасть дала такое указание.

На протяжении всего 1976 года за мной была установлена очень тщательная слежка. Меня окружили тайными и явными агентами, завербованными из заключенных. Этим людям они дали псевдонимы. Некоторые из них открылись мне и сказали, что от них требуют донесений: как я себя веду, с кем беседую и о чем, кто мои знакомые, молюсь ли я открыто?

Осенью 1976 года мне совсем случайно попало донесение одного из таких агентов. В конце стояла подпись псевдоним: Воронин. Он докладывал оперативному уполномоченному майору Морозову, что я веду религиозную пропаганду в бригаде. Указал конкретно одного человека, что он якобы вполне обратился к Богу и уже верит; что и с другими я веду подобную работу.

Ущемляли меня и на работе. Каждый мой шаг контролировался и там. Бригадир был очень недоволен тем, что из-за меня и ему, и всей бригаде приходится терпеть много несправедливости.

В бригаде меня неоднократно выдвигали в число хороших людей для поощрения и благодарности. Но как только список доходил до штаба, там всегда вычеркивали мою фамилию. Репрессии продолжались все дальше и дальше.

Узнав о том, что завербованные аген-

ты пишут на меня ложные донесения, чтобы дать мне новый лагерный срок, моя жена направила заявление администрации лагеря. Вскоре после этого меня пригласил на беседу заместитель начальника первого отдела управления города Тавды капитан Кунаев. Ознакомив меня с заявлением жены, он попросил, чтобы я подтвердил это. Я ему рассказал о всех преследованиях, которые чинились надо мной с самого начала как только я прибыл в зону. Он выслушал и попросил, чтобы я описал все это в виде докладной. Коротко, но подробно я описал о всех беззакониях, которые применялись ко мне и приложил копию донесения Воронина. Он дважды прочитал мое заявление и сказал, что поговорит со мной завтра, но спустя неделю в лагерь прибыли: начальник первого отдела управления полковник Пальчиков, начальник политотдела полковник Пономарев и начальник оперативной службы майор Крутиков. Они стали уточнять факты, изложенные в заявлении жены.

— Знакомы ли вы с моим заявлением, которое я вручил заместителю полковника Пальчикову? — спросил я.

Они переглянулись.

— Да, мы знакомы,— ответил один из них.

— Там изложено все, и я полагаю, что беседовать на эту тему нет необходимости. Если вы хотите устранить это, то нужно не беседовать, а предпринимать меры по устранению этих беззаконий,— ответил я.

Исчерпывающего ответа они мне не дали. Правда, пояснили, что в группе трудноисполнимых я помещен потому, что уже третий раз судим по одной и той же статье и не исправился, и «нам нужно вести работу с вами».

— Мне не в чем исправляться, я не виновен!

— Ну, это по вашему мнению,— отвечали они мне.

Прошло совсем немного времени после этой беседы; меня срочно вызвали, дали десять минут, чтобы собраться и сдать все вещи, и тут же потребовали к дежурному по колонии, где меня уже ожидали люди для обыска. Обыск был весьма тщательный. Изъяли все, даже чистую

бумагу, конверты; поместили в одиночную камеру, чтобы я ни с кем не встретился. В эту же ночь я был этапирован в другую колонию на «И» 299 2/1, на станцию Азанка. Там встретил меня заместитель начальника режимно-оперативной части колонии майор Мальцев. Он был уже информирован обо всем. Здесь также два с половиной часа меня тщательно обыскивали. По-видимому, они искали докладную завербованного агента Воронина, но ничего не нашли.

Но и в этой колонии я видел, что захожусь под пристальным наблюдением.

Приближался срок моего освобождения. Узнав о том, что дети Божьи на свободе ходатайствуют о том, чтобы органы власти не чинили препятствий моему освобождению, я ощутил прилив сил, бодрость духа. Я верил, что Бог мой, на Которого я уповаю, Который спас меня, Который сроднил меня Своей пречистой Кровью с тысячами, с миллионами душ, спасенных Христом,— Он дарует выстраданную нами свободу, т. е. встречу с семьей и с народом Божиим. И дата эта подошла 22 февраля 1977 года.

В день освобождения, утром, я спросил начальника колонии:

— В какое время вы намерены меня освободить? — т. к. мне очень хотелось выйти раньше, но он ответил: «В пять часов вечера».

К пяти часам я пришел с вещами на вахту. Сначала прапорщик, а затем старший оперуполномоченный Милашевский устроили тщательный досмотр моих вещей и затем освободили. В метрах

ста от контрольно-пропускного пункта я увидел жену и друзей, приехавших встретить меня. Так на морозе произошла наша радостная встреча. Потом мы зашли в маленькое помещение для приезжих и совершили молитву; я переоделись в гражданскую одежду, и мы отправились...

Я оказался на свободе, но свобода эта, оказывается, была условной, потому что за мной следили не только до поезда, но сопровождали нас всю дорогу до Москвы. Когда мы вышли в Свердловске на перрон, то были особенно поражены множеством сотрудников в штатском, которые сопровождали каждый наш шаг. Как мы ни пытались, но уйти от них было невозможно. Столько много их было и так явно они вели свою работу, так навязчиво шли за нами везде и всюду, что нам было тяжело. Жена несколько раз со слезами говорила: «Как они мне надоели!».

Так начались для меня первые дни «свободы». Мне неизвестно с какой целью нас преследовало такое множество сотрудников КГБ. Возможно, они пытались оказать на меня психологическое давление с первых шагов, или другие какие-либо были у них цели, не знаю. Но я помню слова моего Спасителя, Который сказал: «...все, желающие жить благочестиво во Христе Иисусе, будут гонимы» (2 Тим. 3, 12). И помня этот завет Христа, я вполне хочу следовать за моим Господом по Его следам, невзирая на все эти угрозы, на все преследования, которые готовы обрушиться на меня и которые, фактически, не прекратились.

В судебных процессах над верующими ЕХБ помимо следственных материалов суд использует также и заключение религиозно-экспертной экспертизы, которую проводят зачастую одни и те же лица и выносят однотипные обвинения верующим.

Так, например, эксперт Ф. И. Гаркавенко (он же Федоренко) — кандидат философских наук — был участником судебного процесса по делу братьев Г. К. Крючкова, Г. П. Винса и других.

Ф. И. Гаркавенко совместно с кандидатом педагогических наук Е. В. Лялиной осуществляли в 1974 г. научно-религиозно-экспертную экспертизу по уголовному делу № 24 509 по обвинению П. В. Румачика. В материалах подписанной ими экспертизы содержатся обвинения не только в отношении Румачика, но и против Совета церквей.

Среди множества духовной литературы, рассматриваемой данными экспертами, уделено место и хорошо известному в нашем братстве материалу Совета церквей «Об освящении». Кажется, что можно найти противозаконного в этом, основанном на Слове Божьем, чисто духовном материале?! Однако в доказательство виновности

Румачика эксперты в своей «научно-религиоведческой» экспертизе пишут:

«О том, что "очищение" и "освящение" являются не столько религиозными церемониями, сколько представляют собой форму идеологической обработки верующих для организации на борьбу против Советского законодательства о религиозных культах свидетельствует такое высказывание в этом документе: "Освящением Бог преследует вполне определенные цели: во-первых, Он хочет освободить народ Свой от закона греховного..."» («Заключение научно-религиоведческой экспертизы», 1974 г., стр. 34). Далее в материале «Об освящении» в подтверждение этой мысли приводится ссылка из Послания Римлянам 8 гл. ст. 2, которая гласит: «...закон духа жизни во Христе Иисусе освободил меня от закона греха и смерти».

Для возрожденного христианина в этой фразе все ясно. Но научная экспертиза, преднамеренно извращая смысл, дает по этому поводу следующее заключение: «Здесь богословская формула скрывает вполне определенную цель: организацию борьбы против советских законов о религии и церкви, как "греховных"» (там же, стр. 34).

Такое религиоведческое неведение объясняется двумя причинами: во-первых, атеистической предвзятостью с явным уклоном во что бы то ни стало найти элемент виновности верующего и, во-вторых, неприемлемостью атеистического подхода к чисто духовным явлениям. Человек, не переживший на себе действие преображающей силы Духа Святого и не имеющий веры, даже при искреннем желании не может, да и не вправе судить об учении Иисуса Христа, а также о мотивах и поступках возрожденного свыше человека. Слово Божье определенно говорит: «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия... и не может разуметь, потому что о сем надобно судить духовно...» (1 Кор. 2, 14—15).

В обвинение Совету церкви экспертиза ставит даже календари. «Нашему народу и стране,— пишут эксперты,— предрешается близкая гибель со вторым пришествием Христа, которое предрекается реакционными организациями типа СЦ ЕХБ на следующий год. Это нашло свое отражение в специальных календарях, изданных С. Ц. ЕХБ, где лозунгом являются слова: "Господь близко..."» (там же, стр. 12).

В другом месте этой религиоведческой экспертизы говорится так: «Культово-организационная борьба против Советского законодательства в Совете церкви приняла такие виды: 1) "очищение и освящение", 2) покаяние, 3) посты, 4) молитвы за узников» (там же, стр. 33).

Судя по таким заключениям экспертов, можно сделать вывод, что наше братство не подвергалось бы преследованиям, если бы не шло путем очищения и освящения, не совершало постов, не молилось об узниках и вообще забыло бы о том, что пришествие Господне приближается. Но каждый истинный христианин знает, что без всего этого нет ни церкви, ни христианства. В таком образе жизни, который другие считают «преступлением», истинная церковь видит свое преимущество и результат благословения свыше для всех возлюбивших Господа.

Лицевая и обратная стороны календаря, приведенного экспертами в качестве обвинительного материала по делу Румачика.

Девора — мать в Израиле

...восстала я, Девора...
мать в Израиле Суд. 5, 7

Девора представляется нам женщиной с характером удивительно разносторонним. Прежде всего Девора была женщина благочестивая. Она была религиозна: поклонялась Иегове, познала всю силу величия Его. Быть благочестивой женщиной — это больше, чем быть принцессой или королевой. Быть человеком, человеком в истинном смысле этого слова — это больше, чем быть князем или царем. Бог проявляет большую заботу, чтобы человек под Его влиянием достойно носил на себе печать образа и подобия Божия.

Девора была не только благочестивой женщиной и хорошей женой Лапидофа. Она была еще и пророчицей в Израиле. Она передавала народу Слово Божье и передавала его от имени Бога, с силою Божьею и во славу Божью. Передавать Слово Божье людям не превращая, не искажая, не изменяя его, не вступая в какие бы то ни было прения, и предоставить Богу дальнейшее Его действие на души — вот истинное призвание пророка или пророчицы.

Девора не только пророчица — она не отказывается и от тяжелых и ответственных обязанностей судьи. Она жила под Пальмою Девориною, и сюда приходили к ней на суд и для разрешения важных вопросов сыны Израилевы. Она призывает к себе Варака и назначает его в нужную минуту вождем народа. Девора поручает ему судьбу Израиля, но Варак медлит дать на это свое согласие. Он говорит: «Если ты пойдешь со мною, пойду; а если не пойдешь со мною, не пойду».

Барак был призван вести необученные военному искусству и плохо вооруженные полчища Израилевы против Сисары;

но он не соглашался выступить против врага, если Девора-пророчица, бывшая в то время судьей в Израиле и призванная Варака к порученному ему Богом служению, не пойдет с ним. Мы, быть может, отказались бы включить Варака в число героев веры (Евр. 11), но Дух Святой судит о нем иначе, нежели мы. Бог не презирает веры, ищущей на что-либо опереться. Для ободрения своего Варак нуждается в присутствии Деворы. И он не ошибся, руководствуясь ее материнскими советами.

В песне своей Девора-пророчица именует себя «матерью в Израиле»; в материнском же к ним отношении люди ощущают большую нужду, нежели в царях и судьях. Если бы люди мира сего исполняли добрые материнские советы, насколько лучшими стали бы их пути! Предупреждения матери о грехе, когда она говорит об этом своим детям, могут считаться неоспоримо верными.

Если мы хотим привести людей к вере в Бога, мы должны постараться затронуть в их душе то, что в них заложено Богом рукой их матери. В сердцах всех жителей нашего города существуют струны, которые отзвучат на наше умелое прикосновение к ним. Это струны небесные, заложенные в сердцах самим Богом. Затронув их, мы можем приблизить человека к Богу.

Мать одного бедного семейства была отвезена в больницу; маленький ее сын тоскует о матери. «Где мама?» — рыдает он. «Ее увезли в больницу». Тогда мальчик сказал, что он ей напишет письмо. Сестра его ему сказала: «Ты ведь не умеешь писать». Он ответил: «Нет, я напишу». Он нашел клочок бумаги и на нем что-то нацарапал. Эту бумажку отнесли его больной матери. Она взглянула на каракули сына и сказала: «Никто не знает что здесь написано, кроме меня одной. Я могу прочесть эти каракули. Это значит, что моему мальчику меня недостает, что он меня любит и зовет домой». Она

села и написала ответ, который и прочитали малышу.

Друзья, идите, изливайте, как вы сумеете, ваши нужды перед Богом. Идите к Нему и скажите Ему что именно вам надо. Вы не умеете молиться, не умеете словами выразить ваши мысли и нужды? Но Он и это знает. Он ответит на ваше прошение, как бы оно нацарапано ни было. Не придавайте ни малейшего значения внешнему виду вашей просьбы — скажите Ему все, как умеете. В сердце Божьем горят материнские чувства к вам. Бог так возлюбил нас, что отдал за нас Единородного Сына Своего; Он долготерпелив и многомилостив к каждому из чад Своих по великой любви Своей к нам.

Бог взрастил семена

Это было в 1948 году. Я тогда был 8-летним мальчонкой. Жили мы на квартире у одной верующей сестры. В тот памятный день весело шел я с хлебом из магазина. Вот и дом. Радостный, я открыл дверь и от неожиданности встал как вкопанный: папа, мама, бабушка, две сестренки, братишка и хозяйка — сидели молча на стульях вдоль стены. Посреди комнаты стоял открытый чемодан, в нем одной рукой рылся высокий сердитый мужчина, а в другой руке у него был наган. Тут же стояли еще двое грозных мужчин.

— Здравствуйте, — выдавил я из себя, все еще не понимая что случилось.

— Садись! — указывая на свободный стул, сказал мне тот, что был с наганом. Я сел. Посмотрел на папу, маму — они молчали. Мне стало жутко, я тоже умолк, мне почему-то совсем не хотелось ни о чем спрашивать. Незнакомые люди рылись на полках, в постели, откладывая в сторону книги, тетради. Нашли Библию и тоже отложили. Прошарили всю нашу комнату и направились в другую.

— Это моя комната,— вставая, сказала хозяйка.

— Буду стрелять, кто встанет! — направляя дуло на сидящих, пригрозил вооруженный.

Мужчины продолжали рыться в карманах пиджака, в ящиках, шкапулках. Стопка, которую они собрали возле себя, увеличивалась. Письма, листочки со стихами и гимнами, облигации, деньги — все аккуратно складывали в сторону. Все пересмотрели, перерыли — больше заглянуть некуда. Стопку с нашими книгами сунули в мешок.

— Прощайтесь! — приказал отцу самый злой, с наганом.

— Разрешите нам помолиться?— сказал папа каким-то очень тревожным голосом.

— Нет, так прощайтесь...

— Но это и будет нашим прощанием.

— Хорошо! Две минуты сроку!

Мы преклонили колени. Молилась мама, она плакала. Я не плакал и ничего не мог понять: куда берут папу, почему мама плачет. Молился папа. Он еще не кончил, как его прервал грубый окрик: «Все, время вышло!»

Папа закончил молитву, поцеловал нас всех, и его увели. А мы остались одни, и я узнал, что это был обыск и что папу арестовали за то, что он христианин, и что я больше его не увижу. Я никак не мог поверить в это. Этот день разлуки с отцом навсегда врезался в мою память.

Через несколько месяцев был суд. Мама, я и еще кто-то из родственников стояли у закрытых дверей, за которыми судили моего отца. Наконец суд окончился. Отца приговорили к расстрелу. Мы дождались, когда его поведут к машине. Он шел спокойно, молча, мимо нас. Я смотрел на него и тогда не знал, что вяжу его в последний раз.

Позже расстрел заменили 25 годами заключения, но домой папа не вернулся, как не вернулись тысячи верных Господу сынов и дочерей.

Нет, страдания их не были напрасными. Семена жизни, которые они сеяли, Бог взрастил в сердцах их детей. Они сейчас продолжают святое дело проповеди Евангелия, за которое их отцы отдали свою жизнь.

Тернистый путь! Он стал моим делом. Нашел я счастье лишь на том пути...

И так же чисто, так же свято, смело, Как папа шел,— и я хочу идти.

Д. В.

Стихи, стихи, стихи

ОБЩНИК Я

Общник я всем боящимся Тебя и хранищим повеления Твои. Пс. 118, 63

Быть вместе с Божиим народом — Потребность Божиих детей
Всегда: под светлым небосводом,
Как и в годину мрачных дней.

При благосклонном фараоне
Как хорошо в земле Гесем,
Пришельцев где никто не тронет,
Где пища и свобода — всем!

Но все великодушие это —
Непродолжительный мираж.
И вот уже невинных деток
Бросает в реку царский страж.

Отдай ребенка крокодилам,
Или указ царя нарушь...

День скорби сделался горнилом,
Чтобы проверить общность душ.
Гнев фараона словно хищник,
Но видел Бог: на фоне бед
Вопль к небу восходил от хижин:
У общников рождалось «нет!»

* * *

В храм Соломона в дни покоя
Шли прихожанин и левит,
И там от холода, от зноя
Надежно каждый был укрыт.

Довольства чаша все полнее,
Мир, благодущие царят,
Как будто в липовой аллее
Разлит медовый аромат.

Но надо духом не остынуть,
С живою верой вдаль смотреть,
Когда наш путь — через пустыню,
А скиния еще в шатре.

Призванье верных, юных, сильных —
Среди колючек и песков
Скрижали Божьи и светильник
Нести вперед в виду врагов.

* * *

Вот Сузы. После дней тревоги
Песнь избавленья полилась.
Недавно там, как зверь в берлоге,
Было укрошен жестокий князь.

Потом был Пурим. У Есфири
Прибавилось сестер-подруг,

И стал у Мардохея шире
Единомысленников круг.
Но лучшие друзья-подруги
Остались и на этот раз
В числе поддерживавших руки
Подвижникам в тяжелый час.
Был Мардохей обрызган грязью,
Когда сидел у царских врат.
А общники?

Царю и князю

Сказали:

«Вот наш лучший брат!».

* * *

Патмос... Бушует шторм у мыса...
Но ссыльный Иоанн не там...
Высоким духом приобщился
Он к высшим и святым мирам,

Где Ангелы кресты снимают
У путников с усталых плеч,
Где люди Бога созерцают
И понимают грома речь.

Но прежде чем любви Апостола
Во славе пред Христом предстал,
Он сослан был на дикий остров
И знал распятого Христа.

Прислушайтесь к нему:

— Я общник

Вам, христиане грозных дней,
Кто за Христа проходит обжиг
В огне страданий и скорбей.
Все это образы...

И нам бы

Не по течению мира плыть,
А строить дружно веры дамбы,
Чтоб в церковь зла не допустить.

Быть общниками Навуфею,
С «ахавам» в сделку не вступать,
Но дать ответ: «Продать не смею
Наследье верных — благодать!»

Общаться с теми, кто поставил
Все повеления Христа
Превыше всяких прочих правил,
Как выше черепка — хрусталь.

Великий Бог нам явлен в Сыне,
Вот же единства идеал:

— Дела Отца творю доныне
И говорю, что Он сказал.

СЫНУ

Христианства радостные зори
для меня зажглись в семнадцать лет...
и с тех пор на жизненном просторе
для меня отрады большей нет!

Иисус — поэзии хораль!
Иисус — свободы яркой луч!
Это — жизнь в травинке каждой малой,
Это — бой за правду среди туч!

Голос веры, пламенный и звонкий,
достигает огненных светил.
Ну, а ты? По-прежнему в сторонке?
Кто тебе дорогу перекрывает?

Может, вера для тебя позорна,
радость неба кажется пустой?
Древний враг коварно и упорно,
Словно ворон, вьется над тобой.

Вне Христа не жизнь, а прозябанье,
культ вещей и мелочных страстей.
Только в Боге высшее призванье,
чистота и искренность людей!

Я, глубоким трепетом объятый,
в сердце слышу неба перестук,
потому что дорог мне Распятый,
за меня испивший горечь мук.

Я хочу планету видеть садом,
гимн Творцу поющей налету,
А тебя — моим по вере братом...
О мой сын!

Скорее ко Христу!

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Солдаты шли. Окончилась война.
Огонь утих. Настала тишина.
И воины стремились к очагам,
Где не было ни пушек, ни врага.

А ночью снился им, как прежде, бой,
Багровый горизонт, снарядов вой...
Лишь утро говорило о другом:
Что мир настал и здесь желанный дом.

Тебя встречаем мы, как тех солдат,
И каждый в сердце христианском рад,

Что ты пришел, хотя над головой
Летели тучи страшной чередой.

Настанет ночь. Придет тревожный сон,
Увидишь лагерь с четырех сторон,
Но утром весь рассеется кошмар,
Свободным будет тело и душа.

Но ты остался воином Христа!
Подвижники! Кто стал под сень креста,
Пока зовет на брань Его труба,
Исход один: за истину — борьба!

БОГУ ВКЛОНЯЙСЯ

(на украинском языке)

...І вивів диявол на гору високу
Спасителя світу, Ісуса Христа,
І мов на якомусь екрані широкім,
Відкрив перед Ним усі села й міста.

«Вклонися мені і віддам всі їх владі,
— Промовив лукаво володар землі. —
Для чого в кривавому поті верстати
Той шлях на Голгофу тернистий, у млі?»

Ти будеш в пошані, Ти будеш у славі,
Поглянь, як шанують народи царів!
Вони не обмежені правом в державі,
Впиваються щастям звеличених днів!»

Поглянув Спаситель і голосом грому
Сказав серед гір для убивця душі:
«Написано: "Богу вклоняйся Одному
І вірно для Нього Одного служи!"

Іди з-перед Мене, осуджений Богом
З днів створення світу, лихий сатана!
Я знаю, що вірна у Мене дорога,
І є вона Тільки у Бога одна!»

Брати мої й сестри! Як часто цей голос:
«Склонися, і все тобі в руки віддам!»
Встає серед нас, мов порожній той колос,
І шепче: «Як я — підійматися вам.

Тут більше і сонця, тут більше простору,
Широкий, відкритий, чаруючий світ».
...Не думає бідний, що скоро, вже скоро
Він піде в полове за свій пустоцвіт.

Эта небольшая,
лишенная всякого внешнего
блеска офсетная печатная машина может за рабочий день отпечатать около 400 экземпляров полных Евангелий или Десятиборников или другой, такого же объема, литературы.

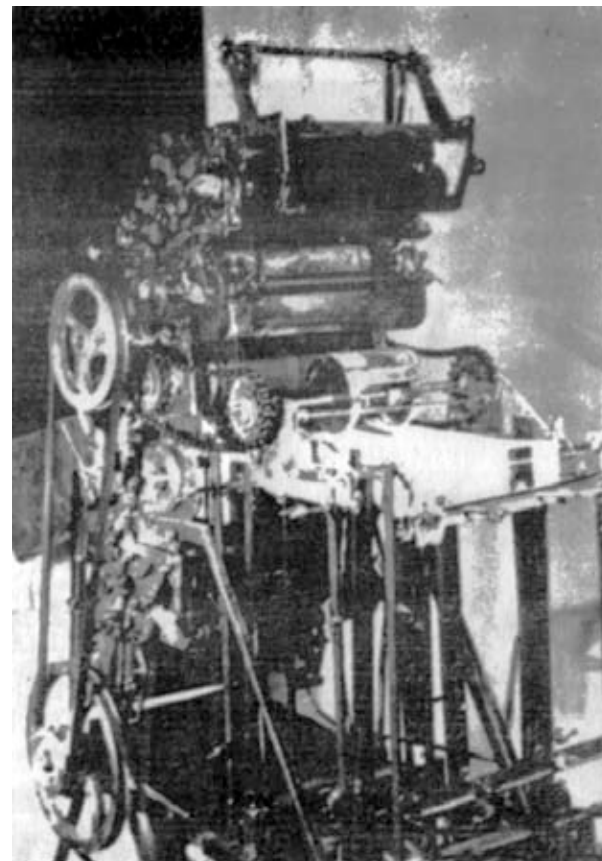
Здесь все до самой мелкой детали создано усердием и руками наших дорогих братьев-тружеников.

Такой же печатный станок был конфискован во время ареста группы печатников,

наших дорогих братьев и сестер, в районе Лигатне (Латвия) в 1974 г.

Но слава Богу! Работа по печатанию духовной литературы не прекратилась! Десятки жертвенных сердец посвятили себя на это служение! По известным причинам мы не можем сейчас называть их фамилий, но предаем их в руки Всемилостивого Бога, Который силен защитить и обильно благословит их труд во славу Божию и для спасения многих грешников!

Прекрасно желание сотрудников издательства «Христианин», которое они выразили библейскими словами в своем первом «Обращении»: «...да будет благоволение Господа Бога нашего на нас, и в деле рук наших споспешествуй нам...» (Псалом 89, 17).

МОСКВА

**Отпечатано в типографии издательства «Христианин».
Распространяется безвозмездно.**